

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 8 МАРТ 1989

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Коллаж
А. МЕРИНОВА и В. ХАХАНОВА.

— Только за последние годы мы миллионы гектаров земель осушили, но зато почти столько же и оросили.

— Ба! Никак это сам Николай Федорович ВАСИЛЬЕВ, министр мелиорации и водного хозяйства СССР!..

КРОКОДИЛ

№ 8 (2630)
март 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Темы рисунков этого номера придумали: В. Владов, Е. Гуров, А. Гурский, Р. Друкман, Г. Лабунин, В. Луговкин, А. Митник, В. Мохов, В. Песков, С. Репьев, Е. Снежко, С. Спасский, В. Тильман, Ю. Черепанов. Е. Шабельник.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 07.02.89.
Подписано к печати 14.02.89.
А 00231.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 150 000 экз.
(1-й завод: 1—2 550 378).
Зак. № 179.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4,
Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). зак. 1834

К БАРЬЕРУ!

В ТЮМЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ СУД

Уважаемый товарищ народный судья!

Мое обращение к вам беспрецедентно, небывало за всю историю журнала «Крокодил».

За эти более чем шестьдесят лет много всякого было написано в адрес сотрудников журнала, в частности его спецкорреспондентов. Как явствовало из писем и телеграмм, в редакции под личиной высокопрофессиональных журналистов хоронились лиходеи, мздоимцы, насильники, пропойцы. Черт-те сколько времени было убито администрацией журнала, и, как говорится, компетентными органами на разбор дичи и ахинеи, поступившей в инстанции на журналистов, но подтверждений, насколько это известно автору, так и не было найдено. Вот и на пишущего эти строки не так давно поступила забавнейшая почта о том, что, будучи в командировке (г. Сочи), я выдавал себя за главного редактора журнала «Крокодил», доведя притом одну ветхозаветную старушку до сердечного приступа. Но цель пишущими была достигнута. Обрушив в ряд инстанций массу «компры», они оттянули публикацию фельетона, и женщина, которую я мог бы спасти, защитить, покончила жизнь самоубийством. И вот, товарищ судья, когда трагедия совершилась, меня пригласил следователь прокуратуры, взял нужные ему показания, а под конец спросил: «Вы будете подавать на этих в суд? Ведь вас оболгали!» Я ответил: «Товарищ следователь! Если мы, фельетонисты, и вы, сотрудники правоохранительных органов, будем обращать внимание на всякую лающую на нас собаку, то мы никогда не дойдем до цели. Так учил Федор Михайлович Достоевский. К тому же нам, фельетонистам, некогда судиться еще и потому, что нас самих судят со все возрастающей активностью.»(Я, товарищ судья, за прошедший год состоял под судом около десяти раз, из-за чего стал редким гостем на страницах журнала.)

Надо сказать, что такое частенько случается с нашими журналистами, пишущими на острые темы. Получив на фельетон, критическую статью вместо ответа по существу конверт грязи, журналист вскипает, в голос божится, что вот сейчас, сей момент он напишет заявление в суд, в котором потребует призвать клеветников к ответу. Но искурена сигарета, спущен пар, остыл журналист. Судиться — это себе дороже, судиться — это нужно время, а со временем у нас, товарищ судья, зарез!

Ну, и к чему привела такая практика?! А привела она к тому, что среди определенной группы сограждан утвердилось мнение: бей этих стрикулистов и крапивное семя, обливай помоями какой угодно консистенции — журналист до суда не опустится, к ответственности не привлечет, у них это не принято.

А хватит! Будя, говоря по-старорежимному, надо кончать с порочной практикой, и мое заявление — первая ласточка.

Итак, в июле 1988 года у меня была командировка в Тюмень. Как-то, идя по улице, я обратил внимание на двух загорелых пареньков. Они были в форме. С медалями «За отвагу». А вот лица были растеряны, задумчивы. Я подошел. Представился. Представились и они. Геннадий Шумкин, в недавнем снайпер. Андрей Сидоров, в недавнем пулеметчик. Не так давно из Кабула. А закручинились они оттого, что все гостиницы, куда они обратились, не смогли их приютить.

Товарищ судья! Я понял этих солдат в отличие от тюменских администраторов, так как шестнадцать лет назад, в это же примерно время года, на Ту-114 я с сотней таких же «дембелей» возвращался в Советский Союз.

На громадной глубине укрытая облаками где-то лежала земля. Мы сосали леденцы и пожирали глазами стюардесс. Из динамиков сочилась песенка:

Льет ли теплый дождь, падает ли снег,
Я в подъезде против дома твоего стою...

Неожиданно песенка прервалась, и мы услышали:

— Товарищи! Говорит командир корабля. Экипаж поздравляет вас с успешным окончанием службы и возвращением на Родину! Под нами граница!

В салоне грянуло «ура!» такой лихости, что распугало всякую жизнь в Солнечной системе и вокруг нее.

МЫ — ДОМА! Пусть мы еще в самолете, на высоте девять тысяч метров, пусть нам, разноплеменным гражданам Советского Союза, еще добираться и добираться до своих республик, областей, городов, сел, кишлаков, улусов, но мы были ДОМА! НАС ТУТ ЖДАЛИ!

Товарищ судья! Вот и эти парни отслужили два года. Вернулись с войны. Награждены медалями «За отвагу». Солдаты — что тут скрывать! — конечно же, рассчитывали на мало-мальское к себе внимание и уважение хотя бы в виде двух койко-мест на ночь — ан нет, город Тюмень отказал им и в этой малости. В то же время я, товарищ судья, проживал в полупустой гостинице «Северная», мест в которой, конечно же, для них не было. И я сказал парням: «Ребята! Я в такой-то гостинице, в таком-то номере. Вечером приходите туда, а я к тому времени улажу вопрос с вашим поселением».

И вопрос был улажен. Помог начальник управления комплектации материально-технического снабжения Главтюменьнефтегазстроя Н. Никитин. Но когда ребята пришли в гостиницу, когда Андрей вызвал меня, администратор В. Волкова подняла крик: мол, знать она ничего не знает и всяких аферистов селить она не имеет права.

Я сказал В. Волковой, что это не аферисты, а солдаты, но администратор вошла в раж. До поселения ребят она снизошла лишь тогда, когда я предъявил удостоверение.

Когда ребята оформились, я попросил их зайти в мой номер. Говорили часа полтора и о многом: за что получили медали; как служилось; как Родина встречает своих сыновей... Затем парни ушли спать, а утром уехали.

Этим же утром ко мне в номер поскреблись. Это был заместитель директора гостиницы Колесник В. И. Поинтересовавшись вчерашним инцидентом, он сказал, что надо было обратиться к нему и никаких вопросов бы не возникло. На том мы и расстались.

Короче: в № 27 «Крокодила» за 1988 год была опубликована заметка «Не ждали!», в которой говорилось о свинском отношении к воинам-интернационалистам. Увы, товарищ судья, явление это отнюдь не единичное. И вот что редакция получила в ответ на публикацию. Позвольте привести выдержки из текстов.

Из письма администратора В. Волковой: «Я их (солдат) спросила, вы ребята поселяться, а они ответили, что ждут одного человека. Через некоторое время подходит т. Казанцев в нетрезвом состоянии, и стал требовать, чтобы я немедленно поселила этих ребят. «Вы идите, пожалуйста, проспитесь,— сказала я Казанцеву,— а с ребятами я разберусь сама...»

Из письма коллектива гостиницы «Северная», принятого почему-то на общем собрании: «Еще задолго до принятия известного Указа о борьбе с пьянством по инициативе нашей администрации и при полной нашей поддержке мы ведем решительную борьбу с этим пороком. Должны признать, что борьба идет с переменным успехом и до полной победы далеко. Но мы боремся — в нетрезвом виде гостей не вселяем, несмотря на должность и звание, при обнаружении употребления алкогольных напитков выселяем.

Потому, когда к администратору обратился неизвестный ей человек в нетрезвом состоянии (а им оказался работник вашей редакции Ю. Казанцев), то и отношение к нему было соответствующее, и те выражения со стороны администрации, указанные в статье, были адресованы не солдатам, а тов. Казанцеву...

Утром администратор доложила обо всем заместителю директора товарищу Колеснику В. И. Заместитель директора прошел в номер к тов. Казанцеву, чтобы выяснить суть дела и разобраться в происшедшем инциденте. Тов. Казанцев с тяжелым алкогольным синдромом (по-видимому, чай, упоминавшийся в статье, разливался в рюмки) заявил, что претензий нет. Ребята-«афганцы» уехали утром, и поговорить с ними не удалось.

Учитывая данность происшедшего, представить какие-либо доказательства описанному возможности нет».

И, товарищ судья, ни слова конфуза, ни строчки о том, что оплошали с солдатами, мол, впредь не допустим,— нет! Был корреспондент пьяным, и все тут. И этим «фактом», как щитом, мы загородимся от общественного мнения и из чувства стадности, не коллективизма, а именно стадности, всем коллективом подпишем письмо на спецкора. И плевать нам на то, что многие в этот день вообще не видели ни солдат, ни распоясавшегося корреспондента. Мы коллектив! И нам черт не брат. С коллектива взятки гладки!

А теперь о доказательствах происшедшего. Коллектив гостиницы заявляет, что их нет. Я, товарищ судья, заявляю, что они есть. Убив полдня — СССР все ж одна шестая часть света — я нашел и Андрея, и Геннадия (ребята приехали в Москву жить и работать). Я их пригласил в редакцию, показал письма сотрудников гостиницы. Вот реакция Андрея Сидорова, исполненная им собственноручно: «Ознакомившись с письмами сотрудников гостиницы «Северная» (г. Тюмень), хочу сказать, что более откровенной клеветы мне не приходилось встречать в жизни. Все происходило именно так, как описано в заметке «Не ждали!». Никаких попоек в номере, где жил Казанцев, мы не устраивали. Поговорив со спецкором часа полтора-два, мы просто ушли в свой номер спать, так как очень устали».

Почти такая же реакция на письма последовала со стороны Геннадия Шумкина, может, чуть порезче:

«Прочитав письма, в которых говорится, что корреспондент был пьян, что мы будто бы пили в его номере, я был потрясен, это — вранье».

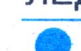
Товарищ судья! В связи с вышеизложенным прошу привлечь клеветников к ответственности.

Необходимые свидетельства будут высланы почтой.

Ю. КАЗАНЦЕВ,
специальный корреспондент «Крокодила».

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

- **СТАВКА ХИРУРГА—ЖИЗНЬ**
- **СВАЛКИ У РЕКИ НЕ БУДЕТ**
- **ОБЛИСПОЛКОМ БОРЕТСЯ С ДЕФИЦИТОМ**
- **КРОЛИК ВОССТАЛ ИЗ ПЕПЛА**

В 1987 году (№ 6) в фельетоне «Чего тебе надо?» мы взяли под защиту врача детской поликлиники № 79 г. Москвы Л. П. Григорович. Она предложила интересный способ борьбы с детским травматизмом, чем навлекла на себя недовольство начальства. И главный врач поликлиники, и руководители здравоохранения Железнодорожного района не увидели в методе Григорович, который, кстати, она успешно применяла в своей практике, ничего полезного. После выступления «Крокодила» положение Л. Григорович даже ухудшилось: ее перевели на полставки, а журналу из Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома ответили, что ее работа не оказывает существенного влияния на уровень детского травматизма в районе.

Около года, несмотря на визиты нашего корреспондента Л. Наумова в главк, к руководству районного звена и непосредственно в поликлинику, притеснения Григорович продолжались.

В № 7 за 1988 год в заметке «Чего же ей надо?» мы вновь подвергли критике позицию Главного управления здравоохранения. На это выступление, хотя и не сразу, откликнулся Минздрав СССР в лице Главного управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям. Его начальник В. Алексеев сообщил, что по выступлению журнала была организована комиссионная проверка. Члены комиссии посетили поликлинику № 79, ознакомились с работой Л. Григорович. Выяснилось, что она проводит большую практическую работу по профилактике травматизма у детей: с помощью разработанных ею наглядных пособий читает лекции и проводит беседы с будущими матерями, молодыми родителями, детьми, воспитателями, педагогами. Число травм по детской поликлинике № 79 ниже, чем в целом по Железнодорожному району и Москве, в течение ряда лет нет смертельных исходов при травмах у детей.

Сейчас Л. Григорович на полной ставке врача-хирурга, с ней работает квалифицированная медсестра, прошедшая специализацию по детской хирургии и ортопедии.

Опыт практической работы Л. Григорович изучался ЦИТО, Минздравом СССР, ее материалы включены в методические рекомендации. В первом квартале 1989 года Л. Григорович выступит с сообщением на Всесоюзном совещании детских ортопедов.

●

В фельетоне Гр. Крошина «Незнайку отравили» (№ 24, 1988 г.) говорилось, что хозяйственники травят природу, а вышестоящие ведомства, местные власти и органы прокурорского надзора зачастую пассивно наблюдают за этим, не принимая никаких мер.

«...Факт загрязнения водоохранной зоны р. Незнайка отходами оптово-розничного плодоовощного объединения Гагаринского района г. Москвы,— сообщает редакции зампрокурора Московской области С. Боцкалев,— был установлен Наро-Фоминской санэпидемстанцией в ноябре 1987 г...» Однако не принято никаких мер. Больше того, «исполком Наро-Фоминского горсовета... разрешил плодоовощному объединению вывозку отходов... в отработанный карьер на территории совхоза «Крекшино»...

Что же происходит с Незнайкой сейчас? Тов. Боцкалев пишет, что «горпрокуратурой дано исполкому Наро-Фоминского горсовета предписание об отмене решения, разрешающего эксплуатацию свалки».

О принимаемых мерах по охране атмосферного воздуха сообщает и замминистра энергетики и электрификации СССР А. Дьяков: «Для электростанций Армэнерго разработана комплексная программа охраны атмосферного воздуха... которая позволит к 1993 году снизить выбросы окислов азота на электростанциях республики на 30%...» Подобные программы разработаны и для электростанций Грузии и Казахстана, «...осуществляется реконструкция золоуловителей на Экибастузской ГРЭС-1, Алма-Атинской ТЭЦ-2 и Алма-Атинской ГРЭС, строительство золоотвалов на Усть-Каменогорской, Лениногорской и Кентауской ТЭЦ... выбросы вредных веществ в атмосферу сократились в I полугодии 1988 года по сравнению с тем же периодом позапрошлого на 174 тыс. тонн».

Пришел ответ и от Совета Министров Латвии в связи с упомянутым в фельетоне фактом вспышки вирусного гепатита из-за отравления питьевой воды в Риге. «Минздравом Латвийской ССР,— сообщает завотделом Управления делами Совмина Ю. Спруч,— материал о резком подъеме заболеваемости вирусным гепатитом «А» передан в прокуратуру Латвийской ССР».

О результатах рассмотрения этого дела в республиканской прокуратуре мы надеемся известить читателей.

●

В фельетоне «Фантазии на темы...» (№ 28, 1988 г.) шла речь о том, что товаров, которые производит промышленность Ульяновской области, ульяновцы сами не видят на прилавках магазинов. Это подтверждает в своем официальном ответе Крокодилу зампредседателя Ульяновского облисполкома А. Ковалева: «...непродовольственных товаров в области остается на местное потребление 20,9%... кондитерских изделий — 52,8%». Судя по ответу, исполком регулярно

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

обращается в российский Минторг с просьбой увеличить эту долю, однако дело почти не сдвигается с места. Что же делать в такой ситуации? Как правильно считает тов. Ковалева, «увеличить поставку товаров на местный рынок можно было бы за счет сверхпланового производства дефицитных товаров: швейных изделий, обуви, мебели, обоев, кондитерских изделий и т. д.» И хотя полностью обеспечить этими товарами местное население мешает недостаток сырья и мощностей, все же исполкомом на специальном заседании «одобрены мероприятия по увеличению производства» перечисленных дефицитных товаров «с учетом местных возможностей». Теперь дело за их выполнением.

В № 32 за прошлый год в фельетоне «Шапка из пепла» наш корреспондент Н. Рындич, побывавший на Сахалине, сгоряча предлагал внедрить такой вот экстравагантный способ производства зимних головных уборов — из пепла. Потому что некондиционные кроличьи шкурки в совхозе «Соловьевский» складывались в кучки, обливались керосином и предавались огню. Трест «Сахалинзверопром» запрещал руководству совхоза сбывать шкурки кому-либо, в том числе и кооперативам. Шкурки считались неплановыми и, следовательно, непродажными. Считалось, лучше — в костер...

Сейчас ситуация меняется. Директор «Сахалинзверопрома» В. Кондраков заверил нас в своем письме в редакцию, что все меховое сырье от забоя кроликов, в том числе и некондиция, распределяется теперь управлению местной промышленности и управлению бытового обслуживания населения. При объединении «Сахалинпушнина» создан кооператив «Сивуч», который уже закупил у совхоза «Соловьевский» 18 000 шкурок и начал из них пошив изделий. Правда, не шапок, а женских и детских шубок по ценам, не превышающим государственные. Часть их уже поступила в продажу. Так что изготовление товара из пепла отменяется.

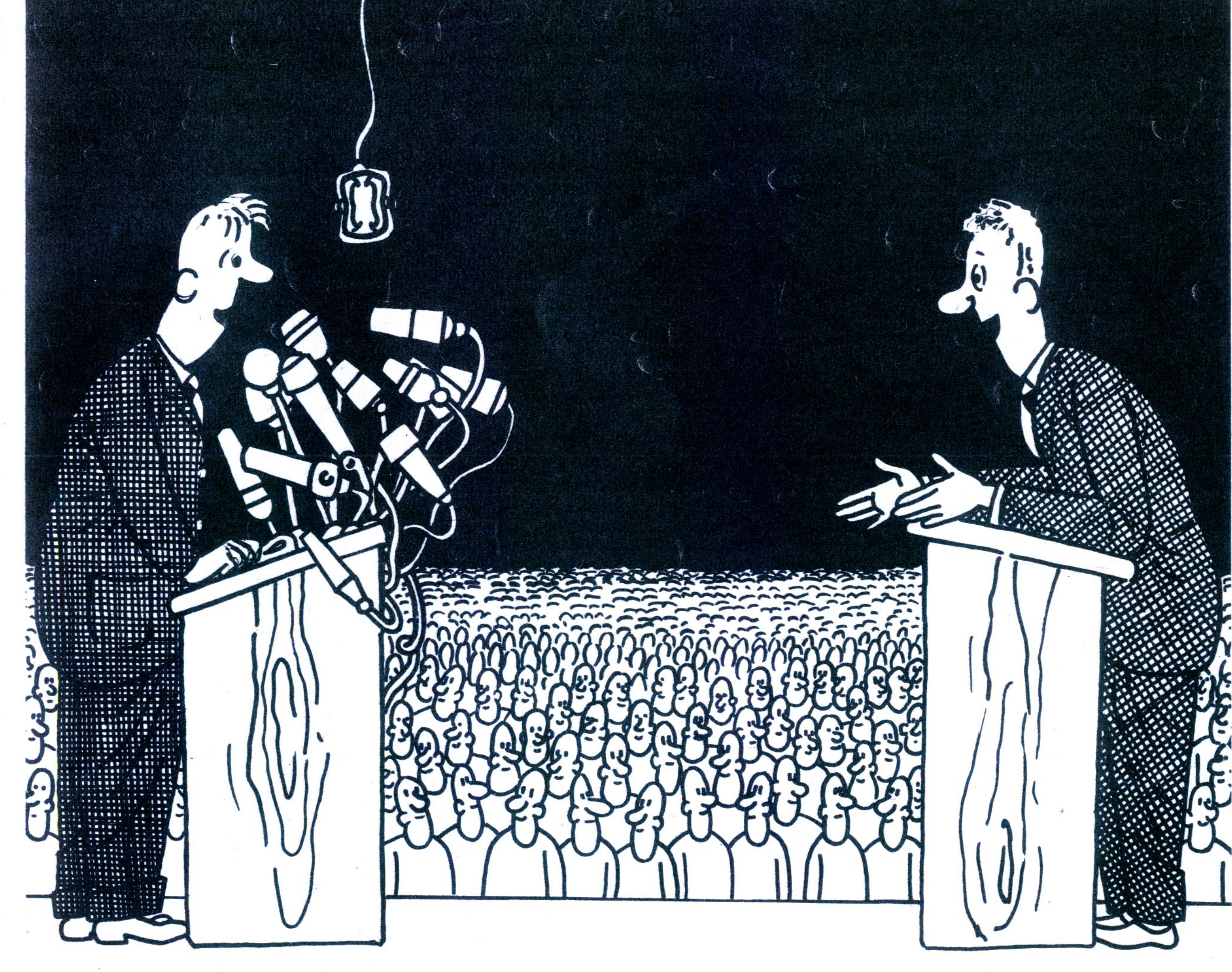

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Юрий НАГИБИН:

«Негатив» играет на опережение»

— Юрий Маркович, каково ваше отношение к тем политическим процессам, которые происходят сегодня в нашей стране?

— Если выразить предельно кратко мое отношение к перестройке, то я и восхищен и... подавлен. Восхищен, потому что все это соответствует моим собственным мечтам да и, наверное, мечтам всех людей, кто любит свою страну, своих близких и хочет, чтобы жизнь на этом громадном пространстве, измученном всякими несостоявшимися реформистскими делами, наконец-то стала достойной. А подавлен, ибо не ожидал, что это окажется так трудно, так сложно и встретит такое ожесточенное сопротивление.

Знаете, есть очень старая, но справедливая мысль, выраженная словами «Время жить и время умирать». Никогда еще она с такой очевидностью и остротой не проявлялась, как сейчас, на исходе века. Что хорошо, а что плохо, сегодня уже не объяснишь крохе, как это делал в свое время Маяковский. Любое явление можно повернуть и как высоко положительное, и как страшное, как обнадеживающее и как приводящее к унынию или отчаянию. Людская разобщенность стала совершенно невероятной. Настораживает поистине всемирный рост национализма. И вместе с тем есть реальные, совершенно противоположные вещи, которые дарят удивительные надежды. Я имею в виду недавнее неожиданное и трагическое событие — землетрясение в Армении. И до него были примеры, когда люди всего мира объединялись ради одной цели — искали лекарство для Ландау, спасали людей, пропавших в океане, вызволяли из арктических льдов китов, но то, что произошло в Армении, не сопоставимо ни с чем. Весь мир в едином порыве будто почувствовал, что у всех у нас одна общая кровь, один общий корень. Я сам видел в Италии, как старухи приносили свои пенсионные лиры, снимали с себя последнее кольцо, чтобы участвовать в благородной акции помощи пострадавшему народу. И хорошо, что нам хватило разума не отказаться от этой помощи, а смиренно и благодарно ее принять. Это тоже очень обнадеживающее явление, которое показало, что у человечества есть шанс уцелеть.

Сейчас возникла возможность действительно глобальных перемен во взаимоотношениях стран и народов, отчетливо прочерчивается, несмотря на сопротивление, на тяжелый взрыв национальной неприязни, идея человеческой общности, идея одного, не очень большого корабля, мчащегося в звездном пространстве. Думаю, что толчок этому дал колоссальный поворот мира, еще недавно чуждого, далекого и враждебного нам, в нашу сторону. Это тоже совершенно новое явление, связанное, конечно, с нашей перестройкой. В огромной степени тут сыграло роль личное обаяние Горбачева — недаром он стал во Франции «человеком года», и, я думаю, у него есть все шансы стать «человеком века», если перестройка будет продолжаться в том же духе.

— Какие стороны нашего сегодняшнего бытия огорчают вас как человека и как писателя?

— Меня волнует вот что: доселе неизвестные нам негативные явления, порождаемые хорошей новью, намного опережают саму эту новь. Стоит появиться любой прогрессивной, смелой идее, как обязательно возникает что-то, что работает **на опережение** этой новации. Приведу два примера. Первый: кооперативы. Не успели они заявить о себе, а уже расцвел рэкет. Я помню, все кооперативное движение Ленинграда состояло из двух женских туалетов, а рэкет охватил чуть не весь город. Это же фантастика! Так же, кстати, и в Москве. Возник какой-то десяток чахлых кафе, которые изо всех сил борются за свое существование, а рэкет уже стал явлением, которое признано у нас как бедствие.

Не успели люди, занимающиеся ИТД, заработать первый рубль, как Министерство финансов забеспокоилось: ах, советские миллионеры, они задушат социализм. Какая там у нас кооперативная деятельность? Так, зачатки только, а уже вспоминают тень Корейко из «Золотого теленка», уже финансовые органы размышляют, какими бы налогами почудовищнее прижать кооператоров. Да дайте же вначале появиться ребенку на свет, встать на ноги, закричать во весь голос. А вместо этого заботятся о некоем догматическом социализме, что-то с ним, дескать, будет! Хотя только один критерий должен быть: дает это что-то людям или не дает...

Мне самому пришлось столкнуться с этими кооперативными проблемами, ведь я какое-то время возглавлял писательский клуб «НИЛ» (наука, искусство, литература), который еще и сейчас формально существует. Ресторан есть, маленькими буквами написана вывеска, но уже никакой культурной деятельности там не ведется. Те, кто создавал это кафе, были подзадушены и вынуждены отдать все это в чужие руки. А когда-то на этом месте была забегаловка, которая называлась в народе «Щель» — жуткий шалман, где доходяги с улицы ловили свой кайф. Мы создали тихое, уютное кафе для интеллигентных людей, где проводили поэтические и фортепьянные вечера, то есть ничего такого, что достигало бы масштабов «Щели», там не происходило. Но еще до того, как первый звук вылетел из старого пианино, купленного в комиссионке, уже были доносы от жильцов, что они совершенно не могут жить от оглушительной музыки, которая якобы несется из кафе. Характерная и злая штука — опережение. Я увидел сам: люди совершенно не хотят думать о том, что это может принести — пусть не всем, но хоть кому-то — пользу, и сразу начинают выведывать, а кто на этом заработает. Действует старый принцип: пусть у меня сгорит дом, лишь бы у соседа сдохла корова. Вот когда я увидел, что этот унылый, эгоистический, мещанский принцип вовсю цветет в нашей сегодняшней Москве. Таким образом, кооператоры сталкиваются не только с препятствиями, чинимыми всякими чиновниками и бюрократами, а и с сопротивлением таких же граждан, как и они. Причем последние даже не задумываются о том, что это им самим может быть полезно, им самим облегчит жизнь — они одержимы одним стремлением: запретить, не позволить, заклеймить, ущемить.

Второе мое огорчение, а точнее, потрясение связано с тем страшным расколом, который произошел в нашей литературной среде. Я в литературе очень давно, начал печататься еще до войны, значит, у меня уже почти 50-летний писательский стаж, но я никогда раньше не знал, что такое групповщина. Конечно, мы тоже ругались и расходились по разным точкам зрения, но чтобы столь глубокая щель прошла через все тело литературы, такого не было никогда. Я даже считал, что такое просто невозможно. Для меня все это очень огорчительно, потому что у меня есть друзья и по ту, и по эту сторону, и очень горько бывает, когда сейчас ты хочешь с кем-то встретиться и начинаешь думать: если тот «огоньковец», то ты, значит, не можешь пригласить человека из «Нашего современника». Литература ведь в какой-то мере стоит сегодня во главе перестройки, и вместе с тем, получается, она во главе того, что перестройке мешает. И это тоже надо учитывать. Одни из нас, писателей, совершенно четко за перестройку, а другие отчетливо против нее. Как из этого выйти? Я думаю, что маниловские призывы к миру тут едва ли помогут. Но меня смущает то, что люди, которые совершенно явно в этой ситуации за перестройку, разобщены, как всегда бывает с теми, кто несет в себе доброе начало. И, наоборот, те, кто против перестройки, хотя и не говорят об этом в открытую, удивительно и необычайно спаяны, выступают сообща, единым фронтом. Они никогда не забывают себя и при этом всегда говорят как бы от лица всей литературы, а на самом-то деле лишь от своей фракции.

— Юрий Маркович, было ли в вашей жизни в последнее время какое-то смешное событие?

— Когда мужчина превращает себя... в женщину — это смешно или не очень? Между тем это очень распространенное явление на Западе, и я впервые увидел этих самых перевертышей, когда летел в Австралию через Сингапур. Помню такую сцену: идет морячок, с ним дама с очень открытой грудью, красивой фигурой, с пышными волосами, и навстречу им другой морячок, сильно пьяный. Поравнявшись с дамой, он ущипнул ее за мягкое место. Та развернулась и роскошным апперкотом уложила оскорбителя навзничь. Он упал, а когда очухался, посмотрел на даму и начал хохотать, совершенно не обращая внимания на то, что лицо у него в крови. Оказалось, он понял, что это был мужчина, переделанный в даму. Потом, уже в Австралии, я узнал подробности этого явления, потому что там каждый день в газетах сообщалось об успешных и неуспешных операциях. Это тройной процесс: вначале принимают женские гормоны, в результате чего очищается кожа, сходят волосы с тех мест, где они ни к чему женщине, перестают расти борода, усы, становится подвижнее, гибче костяк; следующий этап — прием гормонов, стимулирующих рост грудных желез,— образуется грудь, и последний этап — это тяжелая, долгая и очень дорогостоящая операция, когда пациента превращают в настоящую женщину. Люди, которые к этому стремятся, должны заплатить очень много денег, и, к сожалению, бывают случаи, когда человек, решившийся на такую операцию, погибает. Тогда в газетах выражают искреннее соболезнование родственникам, а если все обходится хорошо, то приветствуют новую гражданку Австралии. Причем они становятся настоящими женщинами, только не могут рожать. Как правило, все они выходят замуж, а если участвуют в каких-то развлекательных шоу, то получают в 2—3 раза больше, чем настоящие дамы.

А началось все с одного английского военного журналиста. Это был нормальный мужик, очень преуспевающий, у него четверо сыновей, жена, и вдруг он почувствовал неудержимое «стремление в дамы». Он первый в мире прошел весь этот курс и сделал удачную операцию. Став женщиной, он сохранил прекрасные отношения со своими ребятами, с женой, они вместе мотают шерсть, вышивают, то есть занимаются чисто женскими делами. Вот он был первым и написал книгу «Мой путь из мужчины в женщину».

Почему-то все эти женщины-перевертыши необыкновенно красивы — тонкая талия, длинные ноги, просто олимпийская модель. Это сейчас там очень модно, на них охотно женятся. В Австралии я спросил у одной, которая уже стала настоящей женщиной, и у другой, которая еще только на полпути, что заставляет их проделывать с собой подобное. И услышал очень интересный ответ: «Я,— говорит,— просто извелся от постоянного чувства ответственности за кого-то, трудно было жить, надоело нищенствовать. А сейчас я знаю: стану ли я заниматься стриптизом, или сниматься в фильмах, или даже пойду в проститутки — я буду получать большие деньги и прекрасно жить». Это почти единственный человек, который так грубо, откровенно объяснил мне. Другая сказала, что бог ошибся, создав ее мужчиной, и она — или он? — чувствовала, что должна вернуться в свой образ.

Не знаю уж, смешно все это или нет, но это жизнь.

С известным писателем и неизвестным кооператором беседовал Борис ДАНЮШЕВСКИЙ.

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

Юра Нагибин, ученик первого класса 40-й московской школы, 1928 г.

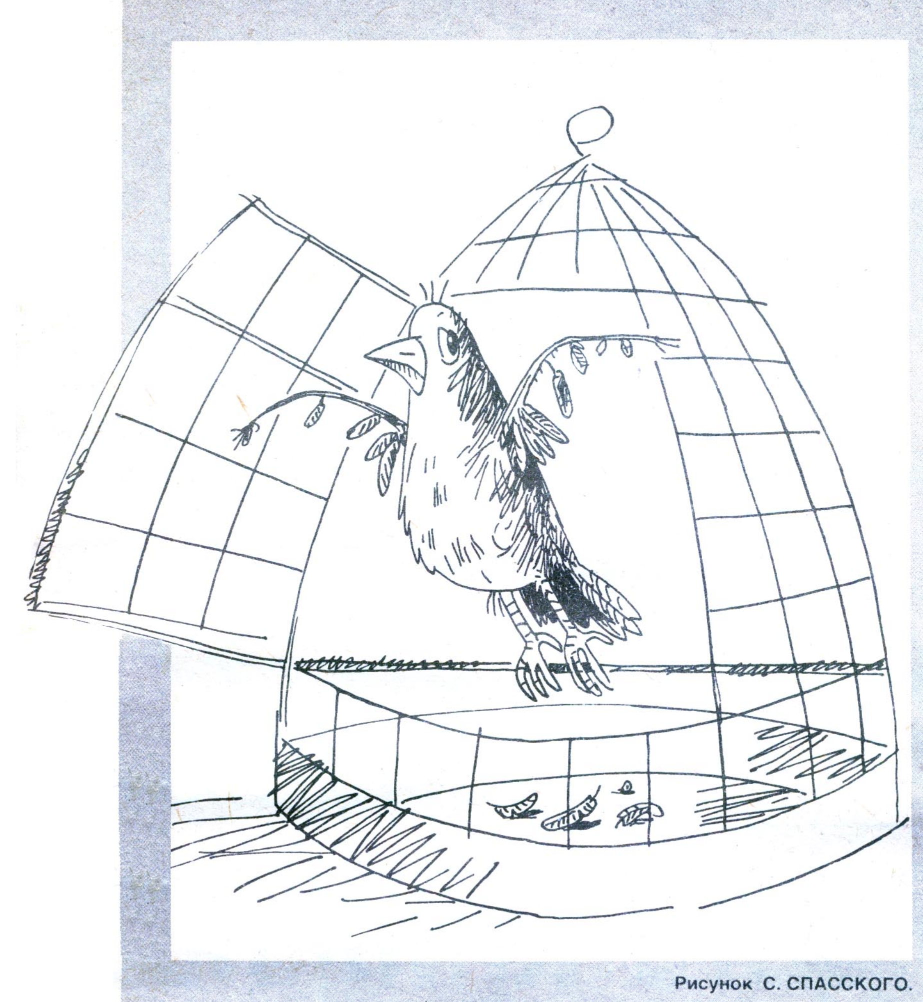

Рисунок С. СПАССКОГО.

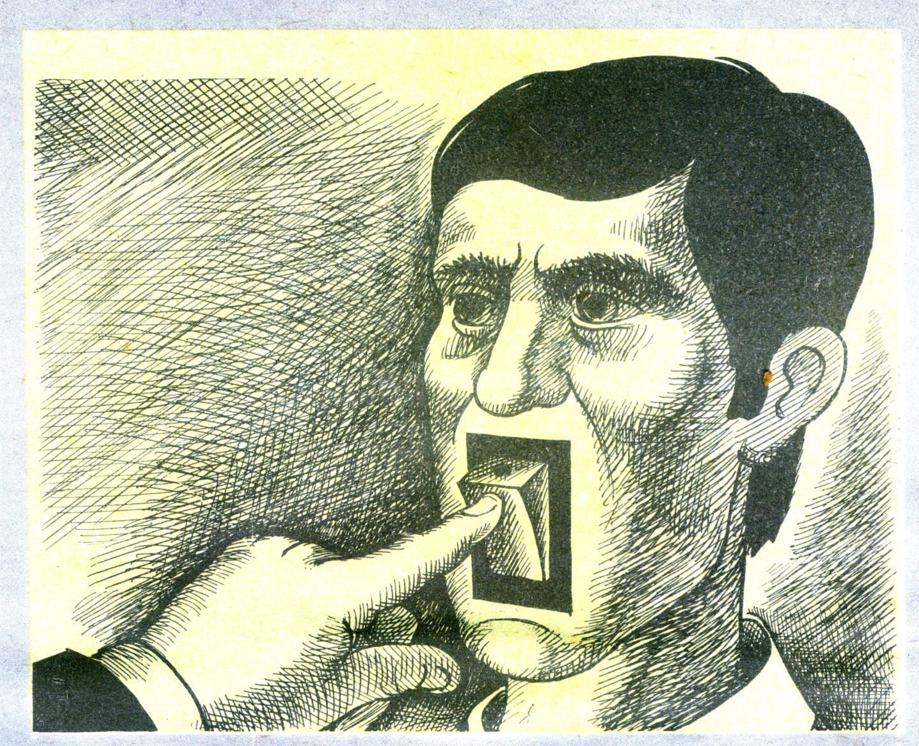

Рисунок Л. ГУСЕВА (г. Мытищи), присланный на конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Рисунок В. МОХОВА.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

«Я МЕЧТАЮ УВИДЕТЬ КНИЖНЫЕ ПРИЛАВКИ ПУСТЫМИ!..»

ЧТО МЕШАЕТ ЖИТЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?

Крокодил любит детей. Он их даже сам в некотором роде воспитывает — в лицах Тотоши и Кокоши. И проблемы, связанные с их воспитанием, а в особенности с литературным образованием, близки ему, как собственный хвост. Проблем же этих за последнее время накопилось видимо-невидимо. О чем и сообщили нам люди, имеющие к этому самое прямое отношение,— детские писатели. Пятерых из них (известных читателям и по публикациям в нашем журнале) Крокодил собрал за своим круглым (точнее, за продолговатым) столом. Итак, у нас в гостях Валентин БЕРЕСТОВ, Григорий ОСТЕР, Эдуард УСПЕНСКИЙ, Лев УСТИНОВ и Андрей УСАЧЕВ.

Лев УСТИНОВ (*стремительно входя в зал*). У нас нет детской литературы! Ее уничтожают!

Эдуард УСПЕНСКИЙ (*не менее стремительно*). У нас есть детская литература! Еще какая! Но жить ей действительно почти невозможно.

КРОКОДИЛ. Минуточку, минуточку! Давайте все по порядку. Кстати, что такое, собственно, «детская и юношеская литература»?

Э. У. По-моему, детская литература давно выделилась в абсолютно самостоятельную область, со своими прекрасными традициями, со своими классиками, своими читателями. Книги передаются по наследству, покупаются за бешеные деньги на черном рынке, их выменивают «по новому стилю» на «женщин в белом». А вот «юношеской литературы», мне кажется, и нет!

Валентин БЕРЕСТОВ. Да, почему-то к слову «детская» теперь все время добавляется «юношеская». Кто основал детскую литературу — известно. Мы о них еще поговорим. А вот возникновение «юношеской», дай бог ей здоровья,— тайна. Белое пятно. Я лично в юности обожал «Войну и мир».

Андрей УСАЧЕВ. А детская литература, по-моему, очень близка юмористической — в основе и той, и другой всегда лежит попытка показать вещи с неожиданной стороны. Ну, вот кажется, это стол. А если его перевернуть, то получится уже не стол...

Л. У. Корабль замечательный получится!

А. У. Вот-вот. Самое главное — разрушение привычных стереотипов, раскрепощение собственного мышления.

Л. У. Естественно, в пределах нравственных норм.

Григорий ОСТЕР. Ко всему прочему — это литература для будущих взрослых. «Мина замедленного действия». Когда читаешь Андерсена в пять лет, понимаешь одно, в десять лет — уже другое. А в тридцать вдруг ахаешь: так вот что он на самом деле имел в виду!

В. Б. Детская — это литература, которую выбирают сами дети. Ведь Пушкин, когда писал свои сказки, и Ершов, создавая Конька-Горбунка, о детях, собственно, не думали — это потом очень удивило Чуковского. У нас часто пишут книги СПЕЦИАЛЬНО для детей, а детям-то они, бывает, и не нужны! Конечно, о детях можно и нужно думать, но с высочайшим уважением!

Л. У. И сколько появляется таких «ненужных» книг! Прошу записать: я убежден, что последние полвека происходит целенаправленное ОГЛУПЛЕНИЕ детской литературы, а вместе с ней и самих детей. Целые поколения воспитывались на стандартах, штампах, так сказать, кроились индивидуумы «на одну колодку». Ушла из книг тонкая ирония, исчез «интеллектуальный слой», описания сложных душевных переживаний. НЕТ УСТАНОВКИ НА ТО, ЧТОБЫ НАУЧИТЬ РЕБЯТ ДУМАТЬ. И есть, наоборот, постоянное опасение того, что «дети этого не поймут».

Кр. О повальном оглуплении не скажу, а вот о солидном упрощении... Школьные учебники — тоже род детской литературы, хотя и не художественной, я считаю. Один из моих Тотош-Кокош учится в третьем классе. Дома уже прочел «Седовцев», «Трех мушкетеров», «Робинзона Крузо». А вот что читает он в учебнике русского языка («Русский язык». Учебник для третьего класса... Издание шестнадцатое (!), переработанное): «Учебный год начинается первого сентября. Ты хорошо отдохнул. Ты учишься в третьем классе. Сегодня все ученики встали рано. Все ребята обещают (!!) хорошо учиться».

Так сказать, сеанс гипноза. А ведь эти строчки третьеклассник практически выучивает наизусть — в задании к упражнению (№ 3) требуется прочесть, поставить вопросы к предложениям, переписать, потом проверить... А что бы составителям этого учебника М. Л. Закожурниковой, В. А. Кустаревой и Н. С. Рождественскому не сообщить детям вместо столь «ценных» и, главное, «непривычно-новых» для них сведений нечто более важное. Скажем, информацию о картинах, написанных Репиным? Или о творчестве Чайковского? Но куда больше волнует составителей такая, например, тема, как содержимое портфеля. Ну ладно, привели один раз строчки С. Михалкова — «С книжками, с тетрадками идут ученики» — и вроде все ясно. Ан нет! На стр. 38 читаем: «Они (школьники и школьницы.— **Кр.**) приносят с собой в школу книги, тетради, ручки, карандаши... После урока ученики убирают с парт учебные вещи и кладут их в портфели».

Почти на каждой странице несчастным третьеклашкам вдалбливают, что осенью листья желтеют и опадают, а зимой идет снег. И это минимальными выразительными средствами, используя мизерный, убогий запас слов!

Г. О. Но ведь на таком уровне пишутся не только учебники. При той самой «острой нехватке» оборудования и бумаги! И ладно стиль, язык, но содержание... Вот книга С. П. Алексеева (главного редактора журнала «Детская литература»), вышедшая в одноименном издательстве тиражом 300 тыс. Называется «Будущее начинали они». Рассказ о юной хлопкоробке Мамлякат Нахангововой. За хорошую работу вызвали Мамлякат в Москву, в Кремль. И что ж вы думаете? «Товарищ Сталин ее обнял, расцеловал. Золотые часы подарил на память. Вернулась из Москвы домой Мамлякат. Орден висит у нее на груди. Часы тикают на руке. Идет она, юная и счастливая». Действительно, что может быть восхитительнее Сталина, ордена и золотых часов? (Книга для младшего школьного возраста вышла совсем недавно — в 1987 году, в торговой сети была приобретена мной в 1988-м.)

А «Слово о ратаях» Валентина Сафонова («Дет. лит.», Москва, 1988 г.)? Вот как чу́дно коллективизация описывается (и это после всех обсуждений, развенчиваний и поправок): «И тогда по крестьянским избам пошли рабочие... Уговаривали, убеждали, нажимали на самолюбие (!)... Влияли на сознание, классовую гордость (!!)». Ой, так ли все это было?

Л. У. А по внеклассному чтению до сих пор задают на лето «Павлика Морозова»!.. Вы скажете, это, возможно, не лучшие писатели. Не гении. Но согласитесь, что погоду делают все-таки не три-четыре звезды первой величины, а, так сказать, основная масса. И беда в том, что уровень этой писательской массы безнадежно низок! И при большом количестве подобная литература захлестывает, затмевает даже «звездные» книжки!

Г. О. Парадокс. Книжные магазины завалены «печатной продукцией», а читать нечего. Убежден, что так будет до тех пор, пока Госкомиздат держит в одной руке и издательства, и книжную торговлю. Я вообще мечтаю однажды увидеть книжные прилавки пустыми. Тут-то все и начнется. Прекратятся разговоры о нехватке бумаги, оборудования...

Кр. Поговаривают, что и дела с изданием детских книг обстоят не слишком благополучно? Как встречают писателей редакторы?

Э. У. Мне кажется, что я как детский писатель никому не нужен — ни издательствам, ни кинематографу, ни театрам. Из всех моих талантливых знакомых никто не нужен. Не нужны почти все здесь присутствующие. Не нужны и зарубежные — нет у наших детей ни Алисы, ни Питера Пэна, ни Хоббита. Они их просто не видят!

А. У. На огромную страну всего два (ДВА!) детских, причем разновозрастных, издательства — «Малыш» и «Детская литература». Столь узкая колея всегда ведет к неприятностям. Будь там хоть самые расчудесные редакторы, но одни и те же, долгие годы одни и те же, с одними и теми же вкусами и требованиями! И со своим привычным кругом авторов. Этакий одноглазый плюрализм.

Э. У. У новых писателей, писателей нашего поколения, все другое. Другой язык — почти всегда иронический, нестандартный, как говорят редакторы, «со словечками». Другой тон — с полным отсутствием менторства, назидательности, бесспорных истин. К ним надо привыкать. Детям проще — у них еще нет стереотипов. Редакторам, администраторам тяжелее. Редакторы сомневаются. Администраторы стараются не попасться на глаза. Вот решили мы — несколько писателей — издать советско-голландский сборник. Голландцы сами нашли нас, пригласили, предложили свои издательства — на выбор. Ура! Но... «Что-что? — не поняли нас.— Зачем это?» И — вперед, вверх и вниз по лестницам: «А это полезно?» — «Полезно!» — «Но не необходимо?» — «Позарез!» — «А может, обойдемся? Жили же и без...» В конце концов удалось «пробить» (о, могучий русский язык!) только... с помощью ЦК КПСС!

Единственная, пожалуй, область, где детские писатели пользуются уважением,— это мультипликация. Маленькие гонорары, тяжелый — без дураков — труд, бесконечные переделки — и все-таки выход в свет. И на этом крошечном мультипятачке «живут» несколько десятков замечательных детских писателей — Александр Курляндский, Владимир Голованов, Александр Тимофеевский, опять-таки Григорий Остер — не даст соврать.

Г. О. Не дам. Но это и так, и не так. Если молодой писатель придет в издательство с книгой, удобно ложащейся в темплан, похожей на уже существующие, не раздражающей начальство,— его, возможно, издадут. Даже рады будут. К счастью, таких молодых немного.

Э. У. А что это, как не выхолащивание, подгонка всей литературы под устоявшиеся образцы? Много лет прикладывает к этому руку Тамара Васильевна Куценко, зам. председателя Госкомиздата РСФСР. Похоже, что существует негласная установка: детская литература — дело слишком серьезное, чтобы поручать его молодым писателям. Когда молодой писатель приносил свою книгу в издательство, его спрашивали: «Вы член Союза писателей?» — «Нет» — «Нечленов не печатаем!» Так было почти со всеми нами. Так было с Игорем Востряковым из Петрозаводска, с Александром Курляндским, со Стасом Рубинчиком из Прибалтики, Тим. Собакиным, Алексеем Дмитриевым, Мариной Потоцкой... У меня, кстати, за 12 лет вышла... одна книжка!

Особо хотелось бы сказать о Совете по детской литературе при Госкомиздате СССР и его руководстве. С ведома и согласия Совета долгие годы проводился «неестественный отбор» писателей, в том числе и молодых, в «лидерскую группу». Не подходящие под сложившийся стереотип, работающие в нетрадиционных стилях оттеснялись, не попадали в число печатаемых. Такая практика нанесла ощутимый ущерб детской литературе.

Кр. Но не станете же вы отрицать, что книги молодых все-таки появляются?..

Г. О. Вот именно! ВСЕ-ТАКИ! НЕСМОТРЯ НА... А чаще всего благодаря самоотверженным действиям отважного редактора. Вот, например, Марина Титова — прекрасный редактор... была.

Сегодня Титова в издательстве «Детская литература» уже не работает. Ее изящно выставили после того, как она выпустила книжку «Витамин роста» замечательного ленинградского поэта Олега Григорьева.

Говорят, рукописи не горят. Но в детской литературе есть один нюанс: слишком быстро сменяются поколения читателей. Хорошую взрослую книгу можно прочесть и с опозданием на двадцать лет. Это ужасная, но худо-бедно восполнимая потеря. А детскую книгу, если не прочел в пять лет, в двадцать пять уже ТАК читать не сможешь. Детская книга не в переносном, в буквальном смысле витамин роста. Осталось целое поколение без витамина, и что-то в нем уже не так, чего-то недостает.

В. Б. Дайте, наконец, старшим сказать! Может, я не согласен?

Кр. Не согласны?

В. Б. А может, и согласен! Сейчас подумаю. Когда-то в Доме творчества, в Малеевке, я был самым молодым. Прошло двадцать пять лет, ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА — новое совещание, и я опять на нем самый молодой! Если уж появляется имя — за него держатся зубами. Даже не писатели — издатели. Идет эксплуатация — не таланта, не способностей, а — ИМЕНИ. Звонят мне. «Очень хочется, чтобы вы перевели стихи прекрасного туркменского поэта Агагельды Аланазарова». Я сам этого поэта люблю. Я согласился и стихи взял. Но... отдал их для перевода моему молодому другу Равилю Бухараеву. Он, кстати, и туркменский знает. Он перевел. Я взял и понес в издательство. Дал почитать. Все в восторге и даже умиляются. Я говорю: «Все поздравления — Бухараеву!» У них был такой вид, будто их вражеские разведчики захватили спящими.

...Где они, молодые писатели? Ау! А сколько раз я сам находил новые светлые имена... Не пригодились.

Кр. Вот здесь присутствует совсем, можно сказать, зелененький (ах, мой любимый цвет!) Андрей Усачев. А у него уже выходит книжка!

А. У. Безусловно, прогресс! Без иронии. Год назад у меня было только одно детское стихотворение, опубликованное в детском издании. Как ни странно, издания «взрослые» относятся к нам куда внимательнее! В том же «Крокодиле» я регулярно печатался и даже выходил в сборниках «Библиотеки «Крокодила».

Э. У. Есть такая международная ассоциация детских писателей. Ежегодно она присуждает так называемые Андерсеновские премии лучшим детским писателям. Сергей Владимирович Михалков — президент секции этой международной ассоциации в нашей стране. Пять (пять!) лет подряд наша секция выдвигала на эту премию от нашей страны Сергея Владимировича Михалкова. Премию так и не дали — международный комитет не утвердил. Не будем говорить о самом Сергее Михалкове. Не будем говорить и о его произведениях. Скажем о другом — что, значит, других имен у нас нет? А кто в этом виноват? А может ли существовать литература, представленная только одним писателем? Да, я хочу сказать прямо, от своего имени: если миллионными тиражами издаются две-три книги, то о других страна просто не знает. Нельзя купить книги Чуковского, Носова, Драгунского, Введенского, не говоря уж о Хармсе и Олейникове (спасибо, «Крокодил» сейчас выпустил их в своей «Библиотеке»). По-прежнему их издают преимущественно за границей. А ведь круг наших читателей сужается с каждым годом! Нет новых книг — нет новых читателей! Маленькие не приучаются, большие отвыкают. Переходят на теле- и видеосюжеты. Я уверен — времена меняются,— скоро у нас будет завал книг — и некому их будет читать!

В. Б. Когда-то Горький обратился к детям, чтобы узнать, какие книги им нужны. Прямо через газету «Правда». Пришла гора ответов. Маршак по просьбе Горького обработал их, сделал сводку. Возникла программа издания детской литературы. НЕ ПОПРОБОВАТЬ ЛИ СНОВА? МОЖЕТ, ЧЕРЕЗ ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»?

Кстати, нужно знать историю детской литературы, чтобы вновь поверить в чудеса и не допустить повторения прежних бед. Ведь только сейчас можно сказать, что детская редакция Маршака в Ленинграде была разгромлена в 1937 году, что часть авторов и редакторов посадили. А статья «Компрачикосы» в «Правде», направленная против лучших детских художников Конашевича и Лебедева? Тогда и ты, Крокодил, подкачал. Высмеял «компрачикосов». Я, мальчишка, с грустью глядел на беспощадные пародии. Чуковский потом рассказывал мне, что он написал очень теплое письмо Конашевичу — без обычных своих замечаний и советов. И надо же! Конашевич удивился: «Не понимаю, почему вы на сей раз так добры ко мне? И почему написали на конверте «Компрачикосу Конашевичу»?» Оказывается, он работал и не читал центральной прессы...

Своих претензий к многослойному, гласному и негласному руководству детской литературы у меня нет. Книжки мои исправно печатались. Но вот одна моя любимая сказочница Татьяна Александрова, автор книжки про домовенка Кузьку, сочиняла великолепные вещи — и они «не требовались». Огромный талант попросту никому не понадобился — и сжег ее изнутри... Сейчас, когда ее уже нет, ее произведения издают и переводят на другие языки, сняли мультфильм... Но почему сейчас, когда уже поздно?! Я говорил ей: «Таня! С тобой происходит то же, что с чеховским гимназистом из рассказа «Детвора». Дети играют в лото на копеечку, гимназист ставит рубль, но его отвергают: «Нет, нам нужна копеечка!» Нет установок на открытия, на великие имена, не ждут небывалого... А детская драматургия? Что-то не видим мы новых блистательных спектаклей, не можем ВЫБРАТЬ, на что сходить с ребенком: выбрать не из чего...

Л. У. До войны у нас было 75 детских театров. Сейчас — 55. Артисты детских театров до последнего времени получали самую низкую зарплату, драматургам платили самые маленькие гонорары, режиссеры были как бы заранее второй или третьей категории — их приглашали из «взрослых» театров. Кроме того, был самый настоящий диктат. Во-первых, со стороны Министерства культуры РСФСР — 20 лет репертуаром детских театров занимался один и тот же человек, со своими вкусами и требованиями, и от детского театра были успешно «отважены» и Медведев, и Львовский с Коростелевым.

Э. У. И мы с Остером...

Л. У. Да, все они ушли из драматургии в прозу. А как — это во-вторых, — «диктовала» школа! При каждом театре существовали педсоветы, которые контролировали буквально все постановки. Чтобы они НЕ РАСХОДИЛИСЬ СО ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММОЙ! Чтобы они были просто удобными иллюстрациями к программным произведениям. Диктовало и комсомольское начальство... Простите, держало руку на пульсе...

Г. О. Причем на каждой вене лежало по три руки. Сжимая все крепче...

Л. У. Но мы отвлеклись. Давайте еще посчитаем. В Лондоне 40 театров для детей. В Сеуле — 21. И это только профессиональных. А в Москве ДВА! Драматических. И еще один — музыкальный. И драматургов соответственно становится все меньше. К тому же ЦДТ — Центральный детский театр — ставит новые спектакли для детей раз в три года, в основном держится на юношеском репертуаре. С ТЮЗом и того хуже...

Кр. А кто печатает драматургию для детей?

Л. У. «Детгиз» — никогда. «Сов. пис.» — однажды... «Искусство» — иногда, и каждый раз возникают проблемы. Решили недавно выпустить серию пьес для детей. Первый сборник серии — Сергея Козлова — решили оформить шикарно. На прекрасной бумаге, красочно. Но наткнулись на указание: детская книга не может стоить дороже чем 1 руб. 80 коп. То есть улучшенное оформление попросту не окупится. Следующая книжка серии пойдет уже на газетном срыве. Но почему нельзя сделать государственную дотацию? Если уж мы так заботимся о детях, нельзя ли, так сказать, часть суммы оплатить за общенародный счет? Драматургию надо спасать!

Г. О. Не только драматургию. Исчезают целые жанры — фантастика, волшебные сказки.

В. Б. А фольклор? Вот если бы составить на века книгу детского фольклора — как англичане собрали «Матушку-Гусыню». Сколько есть прекрасных детских считалок, частушек, поговорок!

Э. У. И анекдотов!

В. Б. Ладно книжки. Журналов бы детских побольше! В одном здании когда-то располагалась ленинградская редакция Детгиза, где консультировал Маршак, и тут же — журналы «Чиж» и «Еж». Сидели все буквально на одном подоконнике. Представляете, как бы здорово было, если бы и теперешняя «Детская литература» выпускала еженедельники, ежемесячники...

Э. У. Попробовал я организовать такое издание. Прошел тысячу инстанций. Я хотел, чтобы это был красивый журнал с рассказами, сказками, комиксами, произведениями самих ребят. Толстенький! Это окончилось НИЧЕМ. Мне говорили: «У нас же есть «Мурзилка»! И «Пионер»! Я бы согласился и на этот самый хозрасчет, и на кооператив. Продал бы машину, наконец, и еще занял у друзей... В общем, финансов бы наскребли. ПОЧЕМУ нельзя? А с каким трудом, обращаясь в Госкомиздат, в ЦК КПСС, удалось выпустить пять-шесть книжечек молодых писателей!.. Мы все — просители. Как мы можем воспитывать детей гордыми, непреклонными, не ведающими необходимости унижаться и клянчить?

В. Б. Кстати, неплохо бы поклянчить... нет, мне больше нравится слово «выбить». Так вот, выбить бы и семейный журнал! Мы потеряли безвозрастную литературу, литературу для семейного чтения. А одним еженедельником «Семья» тут не обойдешься. И нужны книги-предсказания, учитывающие возрастную психологию. Вот тебе исполняется 11 лет. С тобой произойдет то-то и то-то. Опасайся этого... Не пугайся, если... Не теряйся, когда...

Л. У. Я видел в западных странах своеобразные «возрастные гороскопы». Они все доброжелательные.

Г. О. Не могу не отметить: нам очень не хватает ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ. Масса жестоких книг...

В. Б. Я помню, мне многократно повторяли, что я «слишком либерален» и «хочется видеть рассерженного Берестова». Татьяне Александровой желали «беспощадности». У Андрея Чернова на семинаре в литинституте потребовали «ярости». А все наоборот! Нужна доброта.

Г. О. Должно уйти из сознания ребенка слово «непримиримость». В учебнике истории для 4-го класса (Москва, 1988 г.!) по-прежнему припечатывают: «Советский Союз хотя и самая большая страна, но живет в мире среди других стран...» Мол, могли бы мы их всех в бараний рог согнуть, как самые большие, а вот ведь не трогаем! Даже выражение «патриотическое воспитание» у нас почему-то приобрело приставку «военно».

Л. У. «Казанские дети», начинающие воевать всерьез и находящие себе врагов уже в семилетнем возрасте,— это не «из ничего». Нам нужна новая детская литература!

Кр. Ну что ж, в новой литературе для детей действительно все мы заинтересованы. Хотя я и не разделяю полностью всех оценок и эскапад разгоряченных многолетними спорами писателей, тем не менее глубоко благодарен собравшимся за искренность и неукротимый энтузиазм, который, уверен, выльется в реальные решения и преобразования.

Крокодилу помогала Н. ГРАЧЕВА.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ПЛАКАТА,

или От «идейных» портретов — к портретам идей

Фельетон «Счастливые исполины» (№ 30, 1988 г.*), где шел разговор о штампах, весьма агрессивно бытовавших в отечественном плакатном искусстве, не остался не замеченным издательством «Плакат». Редакцию «Крокодила» посетил главный редактор «Плаката» **Владимир Сергеевич ВОРОНЦОВ** и рассказал о проблемах, связанных с небезболезненным становлением нового, «перестроечного» плаката, образцы которого предоставил в распоряжение Крокодила. В беседе также принял участие секретарь Союза художников СССР по плакату **Михаил Николаевич АВВАКУМОВ.**

Корр.: Владимир Сергеевич, плакатное искусство, вероятно, самое злободневное, а мы до сих пор встречаем на полках книжных магазинов далеко не единичные экземпляры старой политической изопродукции, от которой веет казенной бодростью, типичной для эпохи застоя...

В. В.: К сожалению, это так. Мы обращались в «Союзкнигу» с письмом, в котором просили изъять из продажи «вчерашние» плакаты. Мы готовы, естественно, оплатить все торговые издержки. Однако объединение «Союзкнига» не отвечает на это предложение в полном объеме.

Корр.: Но главное, конечно,— это выпуск новой продукции, тем более что многие выставки показали, как быстро преобразилось лицо советского плаката. Еще недавно в адрес издательства «Плакат» часто приходилось слышать упреки в недемократичности, отсутствии духа конкуренции. Произносили даже термин «издательская мафия» — десяток художников-«заправил» многотысячно тиражировали свою «серую» продукцию, среди которой не находилось места неожиданной, свежей мысли и точке зрения.

В. В.: Увы, эти обвинения были не лишены оснований. Наш редакционный совет состоял фактически именно из тех же самых художников, «шедевры» которых и до сих пор можно встретить на прилавках. Но не забывайте — наше издательство было лишь частью бюрократизированной «пропагандистской машины» и исполняло соответствующий «социальный заказ».

Корр.: Но сейчас положение изменилось?

В. В.: Да. Мы расширили редсовет, изменили его состав, привлекли представителей Союзов художников. Сейчас приоритет отдан лучшим плакатам с выставок, «призерам» открытых конкурсов. У нас в работе — плакаты с известных выставок «Перестройка и мы», «Совесть»...

Корр.: И все же до сих пор вызывают недоумение тематические подборки для «наглядной агитации на местах», где до сих пор в уныло-карикатурной форме бичуются расхлябанность и разгильдяйство. Увы, время показало, что сии пороки не причина, а следствие тяжелой политической и экономической ситуации в стране... Но все же можно надеяться, что самые интересные и смелые плакаты будут издаваться наибольшими тиражами?

В. В.: А вот это вовсе не обязательно! К сожалению, не мы определяем тираж того или иного плаката. Дело издательств — только назвать те плакаты, которые будут выпускаться. А дальше организация «Союзкнига», что называется, «дает тиражи» по своему усмотрению.

Корр.: И чем же руководствуются представители «Союзкниги» при определении тиражей?

В. В.: Для нас, признаться, это загадка. Объяснение, как правило, простое: «Нам кажется, что это не «пойдет» (или, наоборот, «пойдет»)».

Корр.: Но, вероятно, «Союзкнигой» проводится изучение спроса?

М. А.: Расскажу вам такой случай. Вместе с директором одного из книжных магазинов мы были этой осенью на Арбатской выставке. Тот директор, останавливаясь перед самыми интересными плакатами, уверенно говорил: «Вот таких я могу продать хоть десять тысяч!» Представьте, только один магазин, и не самый большой... Но представители «Союзкниги» дали смехотворно малые тиражи именно этим, самым острым и злободневным, что называется, «рискованным» плакатам.

В. В.: «Союзкнига» как своего рода монополист-перекупщик полностью контролирует торговлю, имея, кстати, за это солидные барыши — 25 процентов нашей прибыли. Мало того, эта почтенная организация иногда осуществляет и функции... «идеологического надзора»!

Корр.: То есть?

В. В.: Вы, вероятно, обращали внимание: на плакате, смысл которого предельно ясен из самого изображения, стоит разъяснительная надпись (как бы «для дураков»), вроде: «С такими нам не по пути», «Это нам мешает» и т. д. А иногда такая надпись просто низводит опасные социальные явления до уровня «отдельно имеющихся недостатков»... Есть печальная тенденция: чем смелее, необычнее плакат — тем меньший ему «даруется» тираж и тем больше перестраховочных вмешательств, унижающих и нас, и зрителя!

Корр.: Да, положение таково, что наиболее яркие плакаты приходят к зрителям в основном на страницах журналов или телерепортажах с выставок. Например, «Огонек» уже не один раз представлял ваше издательство; но это, конечно, всего лишь «ознакомление», не более того... А каковы обычные пути распространения плакатов?

В. В.: В основном — более двух третей всей продукции — через систему книготорга. Я сам изучал спрос, стоя за прилавком одного из книжных магазинов, и убедился, что в наше время возросшей социальной активности хорошие плакаты не залеживаются... Особый спрос — на самые актуальные, связанные с проблемами наркомании, экологии, бюрократизма... А главное внимание — борьбе за гласность, демократизацию, антисталинской теме.

Корр.: К несчастью, культура плакатного искусства была в нашем обществе во многом утеряна. Плакат воспринимался уже не как призыв к действию, а как символ незыблемости официальных устоев. «Шершавый язык плаката» исполнял «преданно-лижущие» функции...

М. А.: Сейчас ситуация меняется. Небольшой пример. Недавно видел на Арбате мини-демонстрацию: молодые ребята, подростки ходили по мостовой с плакатом «антинаркоманской» направленности. Это хороший знак. Плакат начинает реально участвовать в обновлении общества.

В. В.: Плакат действительно становится борцом и часто сталкивается со вполне осознанным противодействием. Плакаты, бьющие по бюрократизму, другим социальным язвам, чиновники иногда просто не разрешают вывешивать в цехах, кабинетах. Мотив: «Вы что же, считаете, что у нас на фабрике, в институте есть бюрократы, наркоманы, загрязнители природы или, упаси господь, проститутки или тираны? На кого именно вы намекаете, а?»

Корр.: Иногда можно слышать, что плакат — дело большой политической важности и он должен бесплатно и централизованно распространяться по районам, предприятиям и чуть ли не по месту жительства.

В. В.: Это относится прежде всего к общенациональным, «горящим» проблемам. Такой опыт существует во всех странах...

М. А.: Но плакат — это и средство самовыражения. И человек выбирает на прилавке магазина то, что созвучно его представлениям о жизни, о том, что сейчас самое-самое главное.

Корр.: Но порой раздаются угрожающие возгласы: «Это что ж, торговля убеждениями, идеалами?!»

М. А.: Не торговля, а возможность свободного выбора. Упомянутые «опасения» — из эпохи «всемерно одобряющего единодушия»...

Тут бы на радостной ноте и поставить точку. Но... Что и говорить, серьезные упреки прозвучали в адрес ВГО «Союзкнига». Здесь и нежелание «расчищать» прилавки, и волюнтаризм в тиражной политике, и идеологический надзор... Что же на это ответит «Союзкнига», а именно заместитель начальника этого объединения **И. М. Военная?**

— Количество книготорговых точек нашего необъятного Отечества огромно. Списываются сотни тысяч плакатов, щедро произведенных нашими издательствами, в том числе и «Плакатом». Мгновенно это сделать невозможно — все-таки речь идет о материальных ценностях. Но, между прочим, и до сих пор тот же «Плакат» продолжает «радовать» нас продукцией, которую можно уверенно назвать «вчерашней». Воистину бессмертны старые лозунги! «Учись — и зрелым мастером войдешь в большую жизнь», «Будем лучше трудиться — станем счастливее жить», «Мы будем Отчизне достойною сменой!», «Наш наказ: главное — забота о человеке»... Что ж, и этот товар придется списывать через два-три года? Нельзя не сказать и об одной «беспроигрышной» теме — образ Ленина. В 1988 году «Плакатом» было выпущено два миллиона изображений вождя; художественное решение — то же, что и десять лет назад. А в нынешних списках устаревшей печатной продукции (за 1976—1984 годы) находим такие пункты: «В. И. Ленин. Плакат», «В. И. Ленин — жизнь и деятельность. Плакат», «Ленин великий нам путь озарил. Плакат»...

Увы, вовсе не «Союзкнига» определяет тиражи. Наше дело — лишь собрать заявки магазинов и передать их в издательство, после чего оно само решает, что именно и каким тиражом издавать.

Времена «агиток» прошли. Издательства же упорно продолжают выпускать материалы в помощь стенгазетчикам. Такая продукция уже не находит спроса из-за того, что предприятия нынче больше озабочены хозяйственной деятельностью, и секретари парткомов уже не получают нагоняи за отсутствие давно уже навязшей в зубах «наглядной агитации».

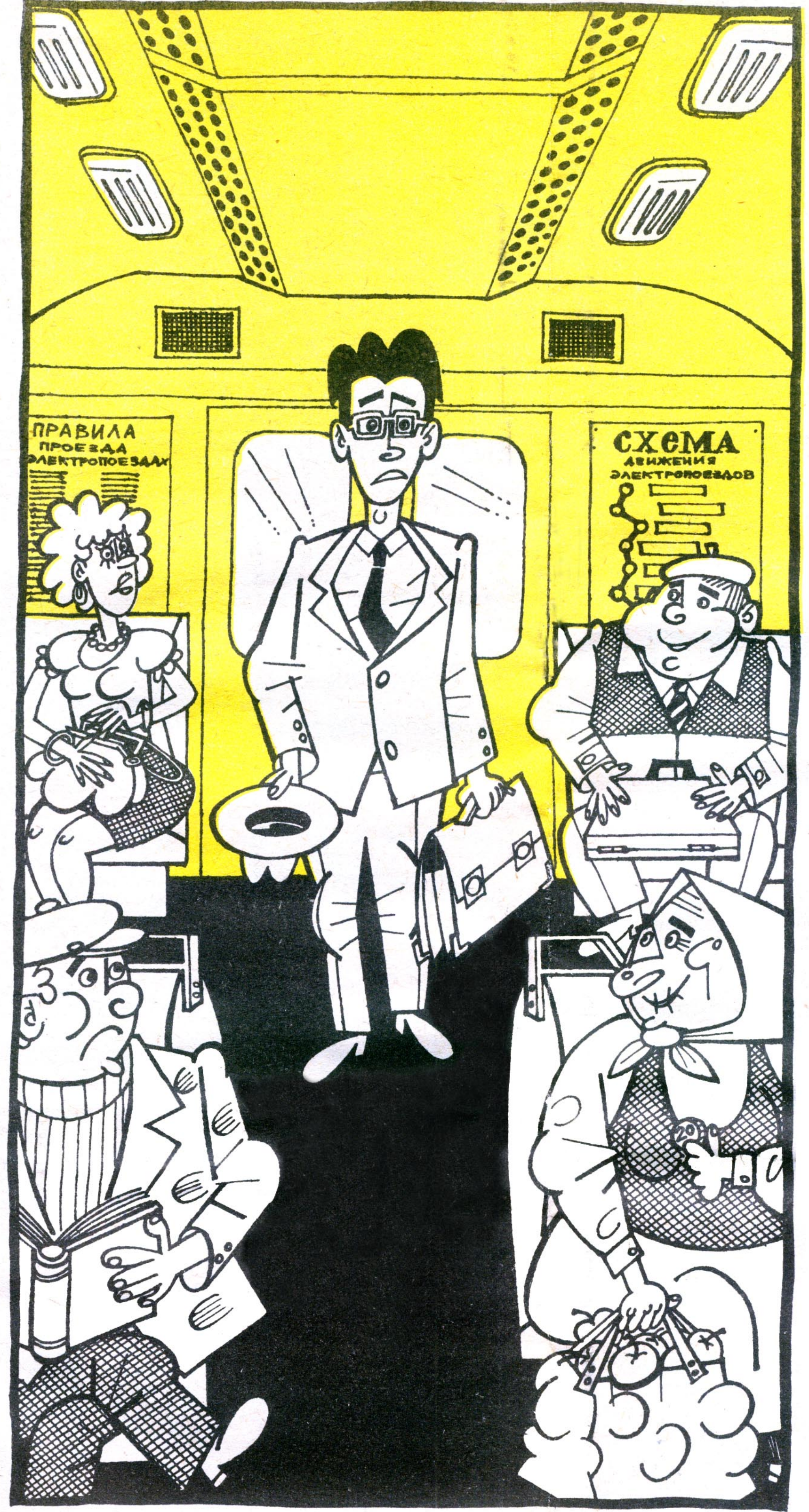
Ну, а что касается «идеологического надзора», о котором говорит В. С. Воронцов... Странно слышать, что издательство ЦК КПСС контролируется книготорговцами...

Да, не все просто в плакатном мире. Но хочется надеяться, что трудности преодолимы. Принять участие (давно уже пора!) в решении «плакатных» проблем должны и издатели, и книготоргующие организации, и, наконец, мы сами, для кого эти плакаты предназначены. Только тогда свободный, смелый плакат станет реальной помощью перестройке.

Р. ПЕТРОВ.

* В упомянутый фельетон по вине автора вкралась неточность: один из плакатов, а именно тот, где изображен юноша, стремящийся в ПТУ, выпущен в 1979-м, а не в «1985—1988», как ошибочно указывается в сноске. Автор приносит издательству и читателям извинения.

См. стр. 16.

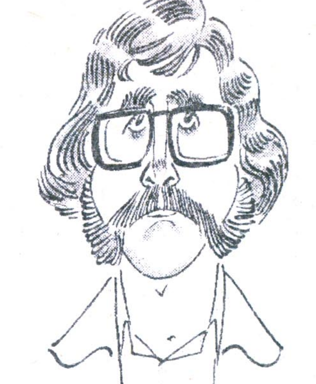
— Товарищи! Я — инженер. Получаю сто двадцать рублей.

Рисунок С. РЕПЬЕВА.

Рисунок В. ПЕСКОВА.

Сергей Сатин

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СКАЗКА

В районе экватора где-то,
Вблизи островов Туамоту,
За четверть часа до рассвета
Селедки спешат на работу.
Грохочет в коралловом гроте
Цех по расфасовке жемчужин.
(На карте его не найдете.
Наукой он не обнаружен.)
Три бдительных, злых осьминога
Все время у входа на страже.
Режим.
С дисциплиною строго.
Вплоть до увольнения даже.
Средь раковин, крупных и малых,
Доставленных к месту со склада,
Найти подходящий аналог
Для каждой жемчужины надо.
На отмелях, банках и мелях
Продукцию сеют, как просо.
В три смены работают
в целях
Удовлетворения спроса.
В дирекции давка и гомон,
И топот на весь Туамоту:
То пресс каракатицей сломан,
То краб опоздал на работу.
Снабженец — морская лисица —
Все входы и выходы знает:
К кому надлежит подольститься,
Кому пригрозить подобает.
Чтоб не было скрытого брака
И явного не допуская,—
Сидит на контроле собака,
Естественно, тоже морская.
А кит,
председатель месткома,
Ругается долго и нудно
Насчет заселения дома,
То бишь затонувшего судна.

ГИМН БЮРОКРАТУ

В который раз я, о Природа,
Дивуюсь на твои дела!
Всем и всему ты антипода
Предусмотрительно дала.

Вода недвижный точит камень;
Льду противопоставлен пламень;
Катод — аноду; раю — ад;
А прогрессисту — бюрократ.

Да, бюрократ... Хоть слово бранно,
Но мне ласкает слух оно.
Увы, словесного тумана
Вокруг него полным-полно.

Боюсь, что это от незнанья,
Не от великого ума.
Ведь он — пружина мирозданья,
Необходимая весьма.

Он страж гармонии Вселенной.
Оберегает свято он
Вещей порядок неизменный
От злых атак со всех сторон.

Инструкция владеет миром.
Ей повинуясь, сонм планет
За Солнцем, как за командиром,
Летит во тьме мильоны лет.

Блюдет самомельчайший атом
Предписанный ему закон.
Выходит, тоже бюрократом
Считаться нынче должен он?

Друзья, не будемте же впредь
Рубить с плеча в бездумном раже!
Нос должен нюхать, гром — греметь,
А бюрократ — стоять на страже.

Возлюбим дружно бюрократа!
Пусть мерзок он на чей-то взгляд —
Но в том Природа виновата,
А Бюрократ не виноват.

Мы вклад его в прогресс не ценим,
А он меж тем потребен нам,
Как уткам — коршун,
волк — оленям,
Как щука — жирным карасям.

ОДА ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ

Книжка моя, записная моя!
Перечень сводный от А и до Я!
Ты моя память вторая,
Книжка моя записная.

Сколько фамилий и сколько имен!
Адрес, рождения день, телефон...
Если все вытянуть в строчку одну —
Воображаю той строчки длину!

Вот аккуратно (не то что сейчас)
Вписаны Кольки и Мишки.
(Первый, второй и так далее класс,
Первые записи в книжке.)

Вот чередою сплошною идут
Веры, Марины и Кати.
(Стало быть, это уже институт.
Славное времечко, кстати!)

Вот и подчеркнутый жирной чертой
Номер заветный единственной, той,
Дело доведшей до брака.
(Кто б мог подумать, однако!..)

Кухня молочная, ясли, детсад —
На надлежащих страницах стоят
Их телефоны, как вехи пути,
Всем по которому нужно пройти.

Время ж на месте отнюдь не стоит.
Годы несутся, мелькая.
Жалость уже вызывает твой вид,
Книжка моя записная.

Ты у меня развалилась почти.
Надо бы новую мне завести,
Но не решаюсь я что-то;
Можно сказать, неохота.
Дай-ка снесу в мастерскую
Книжку мою записную.

Молодость книжке там мастер
вернет,
Новенький книжке сошьет переплет,
Много ли с книжкой работы!
Мастер, я б не постоял за ценой,
Если б ты, мастер, проделал со мной
То же, что с книжкой моей
записной...

Я? Издеваюсь?
Ну что ты!..

ГИМН ТЕЩЕ

Поэты!
Боже сохрани
Вас сдуру согласиться с теми,
Кто упрекает наши дни
В однообразье и бестемье!
Пишите, черт возьми,
в своих
Стихах понятнее и проще!
Я лично посвящаю стих
Простой
российской
нашей
Теще.
Вы вдумайтесь,
какая мощь
В коротком скрыта слове этом!
В нем гул турбин,
В нем шелест рощ,
В нем щебет птиц перед рассветом,
Оно нас к подвигам зовет.
С ним в сердце
витязем былинным
Наш замечательный народ
Идет к сияющим вершинам.
Для всех живущих на земле
Оно опорой служит в горе.
Оно луч солнца в черной мгле.
Оно маяк в житейском море.
О Теща! Теща!
Что с тобой
Сравниться может в мире этом?
Незамутненный образ твой
Храним мы рядом с профбилетом.
Вы золотой запас страны.
Недаром,
потирая пуза,
Так рвутся к тещам на блины
Зятья Советского Союза.
Я убежден:
Пройдут года,
Мы станем лучше,
чище,
проще —
И люди отольют тогда
Из золота
фигуру Тещи.

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ЖИЛЕТЫ

Среди читательских писем в заурядных конвертах все чаще сверкают белые глянцевые пакеты с фирменными штампами. Так случилось и с фельетоном «Средь белой ночи». Из потока читательских писем выпал официальный ответ, подписанный первым заместителем Председателя Совета Министров Карельской АССР В. П. Романовым. Приводим его с некоторыми сокращениями.

«По поручению областного комитета КПСС Совет Министров Карельской АССР рассмотрел критические публикации в газете «Известия» от 21 июня с. г. «Сход против Совмина» и в № 21 журнала «Крокодил» «Средь белой ночи» по организации садоводческого товарищества «Лесовод» и принял соответствующее постановление...

Со стороны исполкома райсовета и правления кооператива было допущено нарушение принципа комплектования списка и принятия в состав его руководящих работников министерств и ведомств республики...

В оргхозплане кооператива, утвержденном райисполкомом, предусматривалось частичное ведение хозяйственных работ в стометровой водоохранной прибрежной полосе Онежского озера...

За допущенную неоперативность в рассмотрении жалоб и сигналов населения Деревянского сельского Совета народных депутатов и нарушение принципов формирования товарищества «Лесовод» председателю исполкома Прионежского районного Совета народных депутатов т. Жгуну Н. С. Советом Министров Карельской АССР объявлен строгий выговор и он предупрежден о необходимости неукоснительного соблюдения действующего законодательства при решении вопросов отвода земель для коллективного садоводства в районе.

За допущенную бесконтрольность за работой должностных лиц при оформлении документов в связи с образованием товарищества «Лесовод» начальнику отдела агропромышленного комплекса Управления делами Совета Министров Карельской АССР т. Фофанову В. П. также объявлен строгий выговор.

Обращено внимание управляющего делами Совета Министров т. Кузьмина В. Ф. на необходимость усиления контроля за деятельностью работников аппарата правительства.

Кроме того, руководители министерств, госкомитетов, ведомств и управлений предупреждены, чтобы впредь при решении личных вопросов ими строго соблюдались принципы социальной справедливости...»

Казалось бы, все — меры приняты, виновники наказаны, тема закрыта. Пьеса окончена, занавес закрывается. Однако зрители, то есть читатели, не расходятся, а продолжают негодовать, возмущаться, не соглашаться. Поэтому мы решили свечей не гасить, а сыграть эпилог нашей неоконченной пьесы.

Помните безобидных старичков, горячо обсуждавших на бульваре мифического города Черноморска проблемы европейской политики? Авторы «Золотого теленка» назвали их «пикейными жилетами», надолго закрепив в нашем сознании собирательный образ не имеющих реальной силы и власти болтунов.

Есть еще пробковые или надувные жилеты. Они входят в перечень необходимых спасательных плавсредств на любом судне — от маломерного катера до океанского лайнера. В экипировку полиции большинства стран, а теперь и нашей милиции включены пуленепробиваемые бронежилеты. Хорошая штука, хоть и тяжелая, как утверждают работники служб безопасности и порядка.

Однако наш разговор совсем о других жилетах-невидимках, облачившись в которые их владельцы становятся и непробиваемыми и непотопляемыми. Вся штука — раздобыть номенклатурный жилет, а там — сам черт тебе не брат, плюй на все с высокого дерева, кто тебя тронет! Живешь, как кум королю...

Впрочем, хватит присказок, пора сказывать сказку. Точнее, напомнить нашим читателям публикацию «Средь белой ночи». Речь там шла о несознательных сельских жителях поселка Деревянное, которые обвинили работников аппарата Совмина, министров Карельской АССР и других ответственных товарищей в нарушении законов, попрании интересов крестьян, в использовании служебного положения. И за что? Всего-навсего за то, что начальники, одержимые человеколюбивой идеей трудовой коммуны, решили отвести себе кусок земли в водоохранной зоне Онежского озера, в 22 километрах от столицы республики.

Подкрепляя законность этого благого намерения, первый заместитель Председателя Совета Министров Карельской АССР В. П. Романов дал гневную отповедь несознательным селянам в официальном письме от 27.5.88., адресованном газете «Коммунист Прионежья»: «Не нарушен порядок отвода земельного участка... под садоводческое товарищество... Отвод сельскохозяйственных угодий не противоречит земельному законодательству и Постановлению Совета Министров Карельской АССР об установлении водоохранных зон Ладожского и Онежского озер».

Обратите внимание: В. П. Романов, чей официальный ответ приведен вначале, и В. П. Романов, давший гневную отповедь селянам, не близнецы и не однофамильцы. Это одно и то же лицо. Пикантное обстоятельство, не правда ли?

«Я знаю эту историю...,— пишет рабочая лесопильного цеха, депутат Шуйского поселкового Совета О. Поповская.— Вместо того, чтобы наладить жизнь в республике, эти ответственные товарищи налаживают свою жизнь... Для своих дач отменные пиломатериалы нашли, а когда у нас, четырех семей, сгорел дом, так нечем было отремонтировать. И этот самый т. Жгун (председатель Прионежского райисполкома.— **М. Г.**) закормил нас обещаниями и кормил ими целый год. Ремонт кое-как был наконец сделан, но если бы ты, дорогой Крокодил, видел, как! Мы вынуждены были вселиться в этот дом, потому что негде было жить, а на дворе уже стоял декабрь. И таким вот людям доверена власть...»

«Статья «Средь белой ночи» как нельзя лучше отражает истинное положение дел по соблюдению социальной справедливости в Карельской АССР,— считает плотник Чупинского леспромхоза А. Александров.— Руководимые т. Санкиным (в момент публикации — начальник «Кареллеспрома», ныне — замминистра лесной промышленности СССР.— **М. Г.**) лесные поселки утонули в жилищной нищете. Строить не из чего, материала нету. Например, три года мы пытаемся доделать 12-квартирный дом (брусчатый), и конца не видно... Какие силы толкают наверх таких руководителей?»

Читатель удивляется, а мы радуемся: смягчаются нравы в нашем обществе. Бывало, нашкодит, напроказит какой-нибудь руководитель, Крокодил сгоряча бабахнет фельетоном, глядишь — повели болезного под белые рученьки в казенный дом, на пенсию или в лучшем случае с треском отправили на понижение. Читаем, бывало, слезами обливаемся — жалко человека.

Теперь общество стало намного гуманней. Бабахнем фельетоном по старой привычке, можно сказать, за руку человека поймаем, носом ткнем, глядь — а он на повышение пошел. Конечно, отдельные граждане негодуют, но это от непросвещенности, от первобытной жажды крови. А может, потому, что на всех номенклатурных жилетов не хватает. Так ведь тут кому какая судьба. Не сумел добыть заветный жилет — не моги нарушать законы, будь честен и морально устойчив. Так тебе, значит, на роду написано. А заимел номенклатурную одежку — можешь смело шагать вперед: ты хозяин жизни.

«Уважаемый тов. Григорьев,— пишет К. Посаженников из Петрозаводска,— имею дополнение к вашей статье «Средь белой ночи». Указом Президиума Верховного Совета Карельской АССР от 16 июля 1988 г. бывший министр лесного хозяйства Н. Т. Неруш назначен председателем Госкомитета по охране природы Карелии. По-видимому, на этом посту ему удобнее готовить площадку для товарищества «Лесовод» — вторгаться в водоохранную зону, рубить деревья и проводить другие мероприятия по «охране природы».

В отличие от наших карельских корреспондентов авторы писем из других регионов страны, не вдаваясь в детали, пытаются осмыслить «право номенклатурной ночи» как социальное явление, хотят разобраться, откуда оно возникает и как с ним бороться.

«...прав философ из Деревянного: действительно, хороших людей больше, но плохие лучше организованы,— пишет В. Данилов из Воркуты.— Руководители, скомпрометировавшие себя на прежней должности, прекрасно продвигаются по служебной лестнице. Оно и верно — ворон из министерства не выклюет глаз ворону из объединения. Так и будет продолжаться, пока не разрушим лестницу бюрократии».

Нашлись и такие горячие головы, как мастер из Москвы Ю. Губернаторов:

«...надо их немедленно, всех без исключения (членов товарищества «Лесовод».— **М. Г.**) убрать с руководящих постов, отлучить от привилегий и дать возможность не засорять кабинеты в Москве. Пусть выйдут на простор страны нашей чудесной и поищут сами работу по найму. Не надо мягкой лапкой выговоров и постановок «на вид» щекотать их замшелые души. Какой урон они нанесли авторитету партии и власти!»

Ох, горячая голова этот мастер Губернаторов. Ну где он встречал номенклатурных работников, ищущих работу по найму? В фильме Эльдара Рязанова — Гафта с гармошкой и Ширвиндта с протянутой рукой? Так это же кино — любимейшее наше искусство. Еще не хватало вспомнить известные из художественной литературы факты самоубийства чиновников. Запрется какой-нибудь статский советник в кабинете, ходит из угла в угол, растравляет свою душу: «Я не справился с поручением!» или «Здесь задета моя честь!», ходит, глазами сверкает, потом хвать пистолет и — в сердце — поминай как звали. А чиновник классом пониже, мучимый угрызениями совести, мог в речку нырнуть. Бултых — только его и видели... А в номенклатурном жилете, хоть стреляйся, хоть в воду прыгай,— целехонек останешься.

Мы не разделяем кровожадные порывы отдельных читателей, не считаем себя вправе учинять скорый суд или радостно потирать руки, узнав о суровом наказании наших подопечных. Единственно, на что может рассчитывать сатира — на целительное действие смеха. Обличающего или очищающего — в зависимости от чувствительности объекта. Тем более обидно видеть, как смех отскакивает от номенклатурных жилетов, никак не потревожив их владельцев, не устыдив и не задев.

Чувствую нетерпение читателей: «Да не тяни ты, как карточная гадалка. Говори скорей, чем душа успокоилась?»

А вот чем. Заканчивается послание товарища Романова оптимистически: «Вопрос об отводе нового земельного участка кооперативу «Лесовод» решен положительно».

Что ж, остается только передать удачливым членам правительства и работникам аппарата Совмина наилучшие пожелания в деле дачного строительства и выращивания овощей и фруктов. Тем более что читатель В. Галкин из Петрозаводска сообщает: «Говорят, что кооператив получил новый превосходный участок еще ближе к Петрозаводску, в местечке Сайнаволок, где и разворачивает строительство. Все бы не беда, даже санитарно-защитная зона, если бы не одно пустяковое обстоятельство: Сайнаволок является излюбленным местом отдыха горожан...»

Ну как не подивиться провидческому дару нашего постоянного читателя В. Ф. Черепанова из города Талица Свердловской области. «Вот вы, уважаемые товарищи, подвергли резкой критике в 21-м номере министерства, даже правительство Карелии,— написал он задолго до заседания Президиума Совмина.— Честь и хвала вам за это. Только что это изменит? Уверен, что несерьезные наказания могут понести наиболее нижестоящие товарищи, а ответственные товарищи из правительства... Разве можно думать, что ОНИ после этой публикации изменятся и перестроятся? Конечно, нет, она вызовет у них только чувство досады и раздражения...»

Тут уже я собирался поставить точку, но в самый канун Нового года подлетело из Петрозаводска письмо инженера В. П. Ветрова. «Уважаемый Крокодил,— сообщал он.— Помнишь, ты писал, как наши чинуши «Средь белой ночи» растаскивают земли в поселке Деревянное? Так вот, почти все они выдвинуты кандидатами в члены обкома, а некоторые уже избраны членами ГК КПСС. Если не веришь, то прочитай «Ленинскую правду» №№ 280, 282, 284 от 6, 9, 11 декабря 1988 г.».

Хорошая все-таки штука номенклатурный жилет!

Марк ГРИГОРЬЕВ.

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА, присланный на конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

— Не реви! Колготки твои вымыли... из плана.

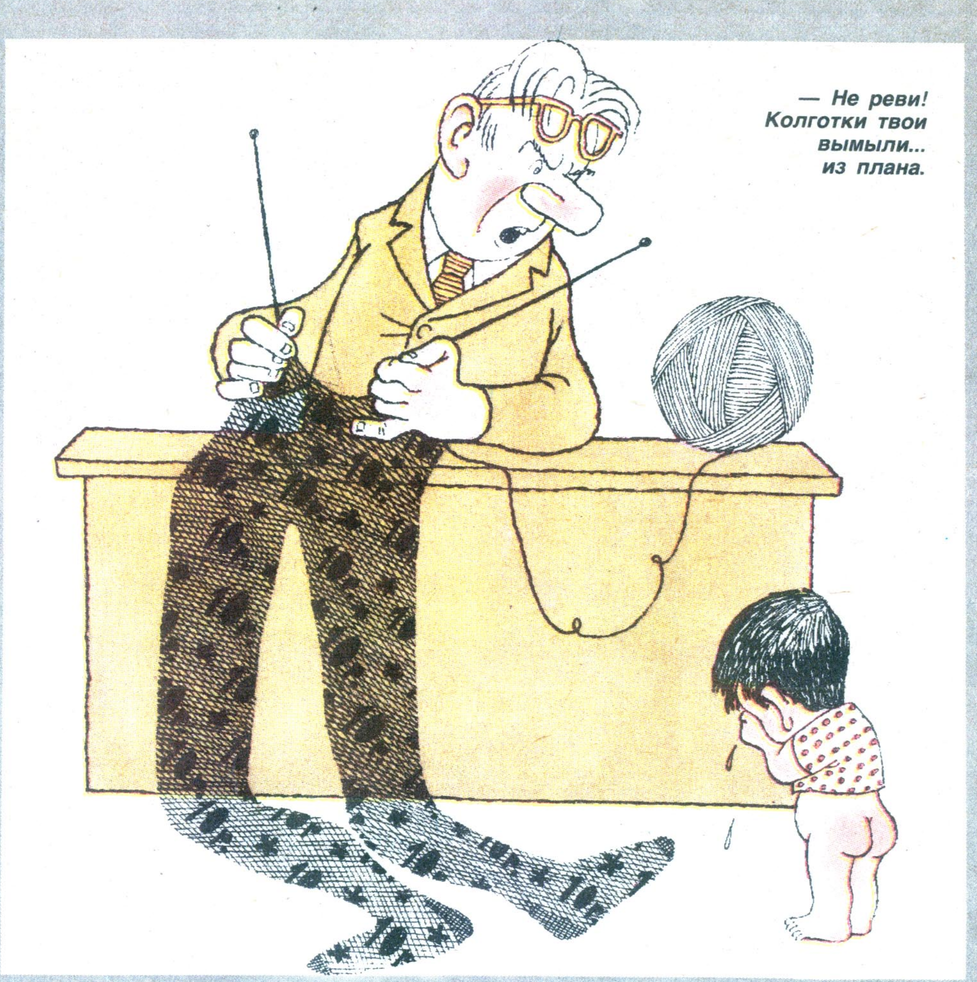

Рисунок Е. ГУРОВА.

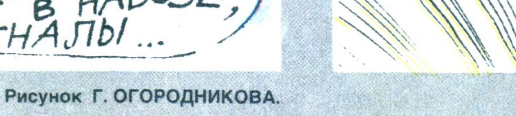

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

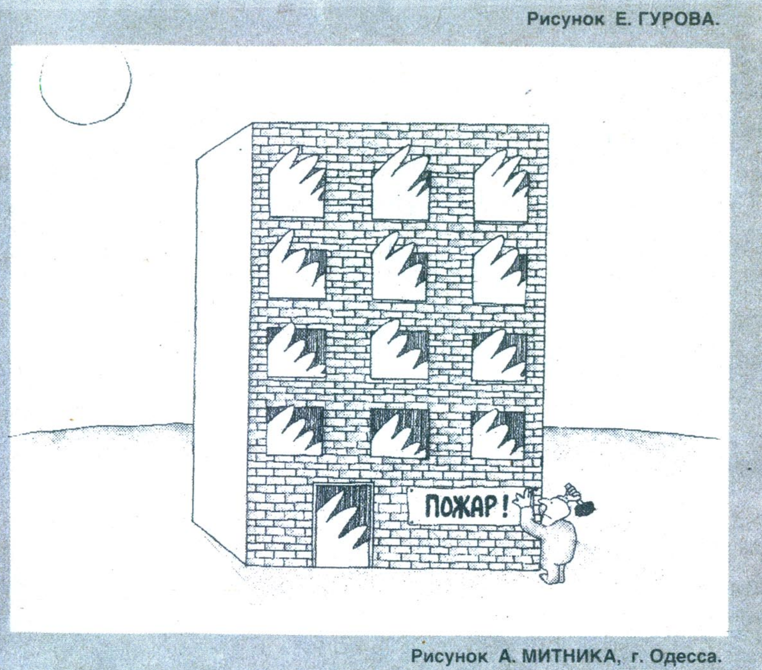

Рисунок А. МИТНИКА, г. Одесса.

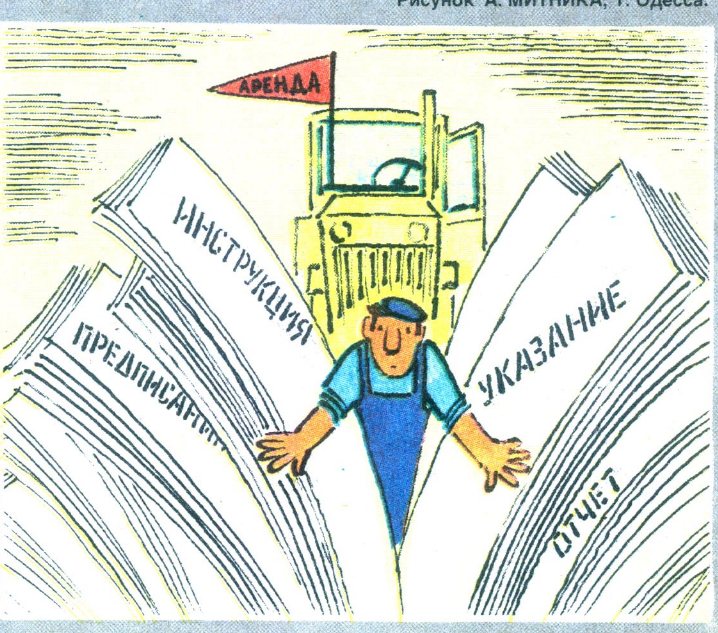

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ТРЕТИЙ ФИНИШ

Год назад нетрескучий февральский морозец был потревожен треском мобилизующего творческого выстрела. Этот выстрел, безжалостно вырвавший из домашних шлепанцев и швырнувший на абордаж горделивых парнасских вершин полные пригоршни приверженцев сатирической поэзии, прозвучал уже в третий раз. А бог, как зазубрила с младенчества судейская коллегия, троицу любит. Не иначе как поэтому турнир-3 лихо побил своего предшественника по основному количественному показателю: в нем ювеналило на две тысячи поэтов-марафонцев больше, чем в пробеге-2. Слушая дружный гулкий топот на горных трассах, чуткое судейское ухо стояло веселым торчком и, передавая приятную информацию дальше, радовало отзывчивую судейскую же душу.

Впрочем, радужное настроение на финише турнира создавалось не только цифрами. Участники сатирического забега и болельщики, конечно же, помнят, что в значительной мере он был экспериментальным: впервые за сравнительно недолгую историю соревнования судейская коллегия, сообразуясь с духом времени, рушащим отжившие век запреты, выкинула из регламента какие бы то ни было тематические ограничения. Теперь острословы могли на бегу палить как по давно пристрелянным, так и по целехоньким покуда мишеням: коррупции и преступности в должностной сфере, наркомании и проституции, гонителям кооперативов и жуликоватым кооператорам, неоправданному ведомственному повышению цен, наплевизму в охране природы и пр. и пр. И вот после легкого замешательства — сперва-то глаза разбегались от обилия целей — Ювеналы-любители доказали, что отменно ориентируются в изменившихся внутриполитических условиях. Умело включившись в общенародное движение за преобразование общества, они планомерно наносили впечатляющие удары по явным и скрытым противникам перестройки, демократизации, гласности. И на этих непростых новых трассах не только повысили цифровые результаты, но и сумели несколько прибавить в индивидуальном мастерстве ведения сатирического огня по хитро маневрирующим в нашем жизненном пространстве поборникам застоя, душителям новаций и пр.

ТАБЛО ТУРНИРА-3

9302	любителя сатирической поэзии приняли участие в завершившемся турнире
11163	миниатюры сочинили они, преодолевая крутые парнасские тропы
15	журнальных публикаций вместили в себя
181	сатиру, в которых высмеивались всевозможные пороки нашего бытия и их разношерстные носители
123	острослова стали авторами «Крокодила»
10	из них удостоены чести носить звание ЧЕМПИОН ТУРНИРА «ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!»

Посему-поэтому судейская коллегия и попребывала чуток в служебной эйфории, но вскорости строго приструнила себя — приспела пора определять победителей турнира-эксперимента. Обогащенная опытом предыдущих состязаний, она с ходу пришла к глубокомысленному заключению: верхнюю ступень пьедестала почета надлежит опять предоставить сразу десяти поэтам-снайперам. И опять исключительно новым! Пусть уж это стабильное поощрение новобранцев станет турнирной традицией...

Извлекши из шкафа уже примелькавшийся читателям, но безотказно фурыкающий заречный прибор «Black Pegas»— нечто среднее между фотофинишем и теорией стихосложения,— судейская коллегия, поплевав на ладошки, ввела в его нутро 13,5 килограмма тщательно закодированной информации: все опубликованные сатиры, жесткие критерии их оценки (злободневность, острота сатирического обличения, неординарность решения темы, смелость фантазии, поэтические достоинства стихотворения), а также дополнительные данные, проливающие свет на личность каждого творца (профессия, пол, географическая точка, из которой ринулся на Парнас автор, его абордажная активность и т.п.). После чего, затрепетавши от волнения, как актер перед выходом на сцену, как спортлотошник перед объявлением выигравших номеров, как Христофор Колумб перед открытием Америки, как Юра Савичев перед забиванием решающего гола в Сеуле, как красная девица перед первым свиданием (непонравившиеся сравнения зачеркнуть), судейская коллегия включила прибор...

Зуммеричный гуд. Свечение экрана. И вот одна за другой на нем стремительно пишутся фамилии победителей III читательского сатирического турнира «Трусцой на Парнас!»:

С.КАДОМЦЕВ, г.Белогорск, Амурская обл. (сатиры напечатаны в №№7, 19, 1988г.).

В.ЗУБИХИН, слесарь, г.Волгоград (№№7, 23, 1988г., и №3, 1989г.).

В.МОНАСТЫРНЫЙ, преподаватель университета, г.Запорожье (№№7, 25, 1988г.).

Б.АКСАНИЧ, инженер, г.Ташкент (№№15, 19, 33, 1988г., и №5, 1989г.).

А.АНИСЕНКО, учитель, г.Кузнецк (№№17, 19, 27, 35, 1988г., и №1, 1989г.).

Е.ЕРМАКОВ, электромонтер, Кемеровская обл. (№№17, 19, 25, 1988г.).

В.ШПУНТ, инженер, г.Херсон (№№23, 27, 35, 1988г.).

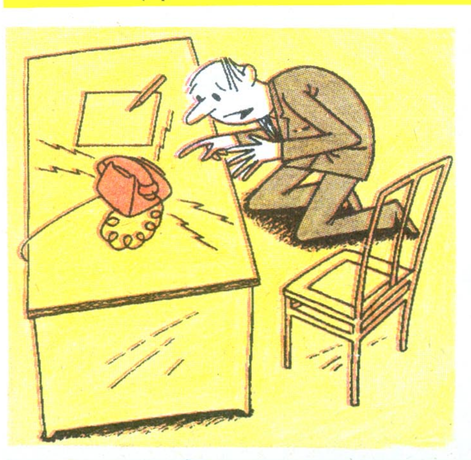
В.КОТЛЯРОВ, инженер, г.Орел (№№23, 35, 1988г.).

А.МОИСЕЕНКО, регулировщик радиоаппаратуры, г.Таганрог (№№27, 35, 1988г.)

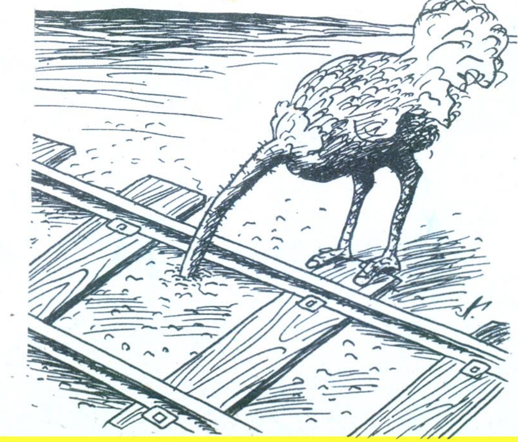
В.БИРЮКОВ, учитель, г.Рязань (№29, 1988г.).

Шумно поздравляя чемпионов, судейская коллегия без обиняков заявляет: отныне вы не просто токари-пекари, а действительные члены единственного в истории цивилизации Профессионального клуба САТИРИКОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ; добытые вами в захватывающем творческом соревновании премии будут высланы на дом.

КРОКОДИЛИНКИ

— *Не боюсь я вас, Пал Палыч, не боюсь!*

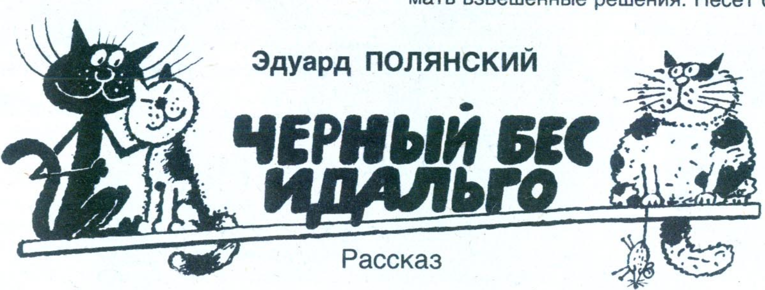

Рисунки В. Владова, А. Гурского (г. Минск), Г. Лабунина (г. Липецк), В. Луговкина, Е. Снежко (г. Ярославль).

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

ЧЕРНЫЙ БЕС ИДАЛЬГО

Рассказ

«Отдел кадров решает все!» — любимое изречение недавно ушедшего на пенсию Корнезубова. Оказавшись не у дел, этот кадровик затосковал по своей работе и какое-то время ублажал себя составлением анкет на жену и детей. Когда документация на ближних была готова, он переключился на кошачье поголовье нашего садового товарищества.

Кошки в изобилии бродили по садам без удостоверений личности, мало кто знал их родителей, не говоря уже о дальних родственниках. Бродячих кошек прикармливали и даже, случалось, легкомысленно пускали в дом, не поинтересовавшись, как животное характеризовалось по предыдущему месту обитания.

Для начала Корнезубов решил охватить характеристиками домашних кошек. Чтобы познакомиться с ними поближе, он приманивал их мороженым хеком, останкинской колбасой, молоком, дохлой мышью, а наиболее осторожных и избалованных — сметаной и свиной печенкой.

Ничего не подозревающие кошки потянулись к его участку, раскрываясь перед Корнезубовым во всей красе. Пьянящая дачная свобода, раскрепостившая кошачий дух, длительные загулы — иные гулены таинственно исчезали на несколько суток, возвращаясь в абсолютно непотребном виде, голодные и омерзительно заискивающие, — затрудненность контроля сделали свое дело: наши питомцы, исключая, пожалуй, моего евнуха Кешку, отбились от рук и являли собой сгусток всех кошачьих недостатков, что не могло ускользнуть от наметанного глаза Корнезубова.

Вскоре мы, местные кошковладельцы, получили от него пространные характеристики. Мой Кешка подтвердил свою репутацию добропорядочного кота. Лишенный в раннем возрасте известных мужских достоинств, он со временем приобрел бюргерскую степенность, философскую отрешенность, номенклатурную упитанность. Кешка не только не волочился за каждой встречной кошкой, но и гнушался лицезреть все эти игрища себе подобных.

Чем-то Кешкино мироощущение было близко Корнезубову — иначе не объяснишь, почему он обрисовал его с наилучшей стороны.

«В быту морально устойчив,— говорилось в Кешкиной характеристике,— ведет правильный образ жизни. Пользуется заслуженным авторитетом в коллективе, особенно в женском. Спокоен, выдержан, способен принимать взвешенные решения. Несет общественные нагрузки, связанные с лишним весом».

Другого кота, изящного ловеласа, кумира всех окрестных кошек, Идальго, Корнезубов полностью развенчал, как нравственного урода, многоженца и прощелыгу.

По этому поводу в характеристике говорилось:

«Моральный уровень низок, ведет беспорядочный образ жизни, создает нездоровый ажиотаж среди особей противоположного пола, чем разлагает в общем и целом здоровый коллектив кошек нашего товарищества».

Хозяин Идальго в своем заявлении на имя председателя товарищества лягнул и Кешуню и здоровый коллектив кошек как в целом, так и каждую кошку в отдельности.

«Это какой-то нонсенс! — негодовал он.— Инвалиду, можно сказать, детства, трутню и синему чулку, дается феерическая характеристика — хоть сейчас в загранку оформляйся,— а мой труженик-производитель, значит, «невыездной»? Где же социальная справедливость? Кому нужна Кешкина устойчивость? Он что: башенный кран или мостовая опора? По какому праву он несет жировые нагрузки, а не общественные?

Что же касается нездорового ажиотажа, то пусть они сами следят за своими вертихвостками!»

К вертихвосткам он причислил трех кошек: Дуняшу, Проню и Есению, допустив при этом крупный тактический просчет, ибо вся троица принадлежала членам правления. С учетом этого обстоятельства и проходило заседание правления.

— Между прочим, Дуняша участница выставки,— сказал хозяин Дуняши,— могла ли вертихвостка участвовать в выставке?

— А моя Проня,— сказал хозяин Прони,— в кино пробовалась, чуть-чуть кинозвездой не стала.

— Взгляните на мою киску,— сказал хозяин Есении и предъявил собравшимся серенькое, тщедушное существо, сжавшееся в комочек то ли от испуга, то ли от почтения к столь авторитетному синклиту.— Способна ли, с позволения сказать, эта «секс-бомба» охмурить порядочного кота? Во всем виноват черный бес Идальго. Предлагаю выселить его за сто первый километр.

— Выселяйте хоть за тысяча первый,— пробурчал хозяин Идальго.— И там его ваши вертихвостки достанут. Не к Кешке же им липнуть.

Тут и я не выдержал.

— Должен заметить, что вы несколько сужаете функции котов,— с достоинством сказал я.— В их обязанности входит не только репродуцирование себе подобных, против чего у меня нет принципиальных возражений. Коты, наряду с кошками, хотим мы того или нет, самые натуральные хищники. Как таковые они обязаны ловить мышей. Смею вас заверить, Кешка делает это исправно — прошу занести в протокол. У каждого свое призвание. Пусть наши коты выполняют те обязанности, которые им по душе.

— Я бы копнул Идальго поглубже,— подлил масла в огонь Корнезубов.— Каков у него послужной список, нет ли темных пятен, подозрительных провалов в биографии? И вообще, не заслан ли он к нам из соседнего товарищества для подрывной работы?

— Если кто и заслан, так это Кешка,— вставил хозяин Идальго.— Он ухудшил демографическую ситуацию. Я бы на вашем месте, Корнезубов, пригляделся к нему. В тихой заводи известно что водится.

— Не был, не привлекался! — закричал я, не выдержав наглых инсинуаций.

— Проверьте, чьих он кровей,— гнул свое хозяин Идальго.— На самом ли деле сибирской породы, как нас уверяют? Все ли у него чисто по материнской линии?

— Вы меня обижаете,— снисходительно улыбнулся Корнезубов.— С моим опытом кадровика и не придать значения столь важному обстоятельству? Спите спокойно: Кешка чистопородный сибирский кот.

— В любом случае,— мудро подметил председатель правления,— за чистоту его потомства опасаться не следует. Меня беспокоит другое: как бы безнравственное поведение Идальго и необдуманные поступки отдельных кошек не вышли за пределы нашего товарищества. В целом у нас сложился здоровый кошачий коллектив. Поэтому, не прибегая к крайним мерам, решим вопрос административно. Готовьте, товарищ Корнезубов, приказ: за систематические загулы без уважительных причин освободить Идальго от должности кота-ловеласа. Назначить на эту должность кота Иннокентия.

Приказ был одобрен большинством голосов и вскоре вступил в силу.

Джеймс ТАРБЕР (США)

ОТЪЕЗД ЭММЫ ИНЧ

Рассказ

Внешне Эмма Инч ничем не отличалась от сотен других худых сорокалетних женщин. Волосы у нее были темные, негустые, лицо не оставляло никакого впечатления, голос был как голос. Она пришла с рекомендательным письмом от нашей знакомой, которая знала, что мы собираемся на лето в деревню и нам нужна кухарка. За день до отъезда Эмма Инч приехала к нам в отель на 45-й улице, и мы на ночь сняли ей номер, потому что она жила в другом конце города.

Она принесла с собой большой потертый коричневый чемодан и бультерьера по кличке Филли. Филли было семнадцать лет, он все время ворчал, рычал и сопел, но нам была нужна кухарка, и мы согласились взять Филли вместе с Эммой Инч, если она позаботится, чтобы он нам не мешал. Оказалось, ничего нет легче: куда б Эмма его ни положила, он лежал и дремал, пока она не перекладывала пса на другое место. Эмма взяла его еще щенком, и он был для нее в жизни всем, сообщила она нам, и глаза ее наполнились влагой.

Той ночью меня не мучила бессонница из-за Эммы и Филли, бессонница мучила мою жену. Жена сказала мне утром, что она долго лежала с открытыми глазами, думая о кухарке и ее собаке, они ей показались в чем-то чудными. Она не могла объяснить в чем, просто у нее было ощущение, что они в чем-то чудные. Когда мы закончили упаковывать багаж и собрались выезжать, я позвонил Эмме, было три часа дня, она не отвечала. Наш пароход отходил через два часа, времени оставалось мало, мы начали нервничать. Ни жена, ни я не могли понять, куда делись Эмма и Филли. Было четыре часа, когда мы поняли. Раздался легкий стук у дверей нашего номера, я открыл, передо мной были Эмма и Филли. Филли у нее на руках сопел и отфыркивался, будто бы только что проплыл огромное расстояние.

Жена попросила Эмму быстро собрать вещи, потому что мы сейчас выезжаем. Эмма ответила, что ее вещи уже уложены, кроме электрического вентилятора, который она не взяла. «Вам не понадобится электрический вентилятор в Вайн-ярде,— сказала жена,— там прохладно даже днем, а ночью просто холодно. Кроме того, в коттедже, где мы будем жить, нет электричества». По-моему, Эмма растерялась. Она молча изучала лицо жены. «Тогда я должна придумать что-то еще,— наконец пробормотала она,— может быть, я открою кран, и пусть всю ночь льется вода».

Мы с женой оба сели и уставились на нее. Только астматические хрипы Филли нарушали наступившую тишину. «Эта собака замолчит когда-нибудь?» — раздраженно спросил я.

— О, это он разговаривает,— сказала Эмма.— Он все время разговаривает, но я буду держать его у себя в комнате, и он никому из вас не помешает.

— Разве вам он не мешает? — удивился я.

— Может, он и мешал бы мне ночью спать, но я включаю вентилятор и оставляю гореть свет. Когда светло, от него меньше шума, потому что тогда он не храпит. Когда крутится вентилятор, это помогает мне не замечать, как он кряхтит. Я кладу кусок бумаги, вентилятор ударяет по ней, и я почти не слышу Филли. Может, там я пущу в моей комнате воду на всю ночь вместо вентилятора?

«Ммм»,— сказал я и начал смешивать коктейль для себя и жены. Утром мы решили, что не будем пить, пока не сядем на пароход, но я подумал, что сейчас нам необходимо выпить. Жена промолчала и не стала разочаровывать Эмму, что в Вайн-ярде в ее комнате не будет водопровода.

— Мы беспокоились, что вас так долго нет, Эмма, я звонил вам, но вы не ответили.

— Я никогда не отвечаю на телефонные звонки,— сказала Эмма,— потому что телефон меня вгоняет в ужас. А меня и не было в номере. Я бы не могла заснуть в той комнате. Я ушла к миссис Маккой на Семьдесят восьмую улицу.

Я поставил бокал на пол.

— Прошлой ночью вы ушли на Семьдесят восьмую улицу?

— Да, сэр,— подтвердила она.— Мне надо было сказать миссис Маккой, что я уезжаю и летом не буду там жить. Миссис Маккой хозяйка квартиры. И вообще, я никогда не сплю в отеле.— Она окинула взглядом номер.— В них всегда пожары.

Выяснилось, что Эмма Инч не только отправилась ночью на Семьдесят восьмую улицу пешком, но и всю дорогу несла на руках Филли. На это ей понадобилось час или два, потому что Филли не любил долго быть на руках, и ей приходилось останавливаться почти у каждого дома и ставить его на тротуар, чтобы он немножко постоял. И столько же времени у нее ушло днем на возвращение в отель; а так как Филли никогда не просыпается раньше полудня, она не могла прийти вовремя и просит извинить ее. Мы с женой допили наш коктейль, посмотрели друг на друга и на Филли.

Эмме Инч не понравилась идея ехать на пристань в такси, но после десяти минут уговариваний и упрашиваний она, наконец, вошла в машину. «Пусть **это** едет медленно»,— сказала она. У нас еще было время, и я попросил водителя согласиться с ней. Эмма хотела ехать стоя, и мне все время приходилось усаживать ее на сиденье, а она всякий раз взвизгивала от страха.

— Я никогда раньше не ездила в автомобиле,— сказала она.— **Это** едет слишком быстро.

Водитель обернулся и с усмешкой произнес: «Все будет в порядке, поверьте мне, леди». Филли зарычал на него. Эмма подождала, пока он отвернулся, наклонилась к уху жены и прошептала: «Они все кокаинисты». Филли начал испускать какой-то новый звук — высокий отчаянный визг. «Он поет»,— пояснила Эмма и тихо хихикнула, но выражение ее лица не изменилось.

— Хорошо бы положить виски так, чтобы мы могли легко его достать,— сказала жена.

Если Эмма Инч автомобилем была лишь напугана, то пароход «Присцилла» на Фолл-ривер привел ее в ужас. «Не думаю, что я смогу туда подняться,— заявила она.— Не думаю, что я смогу взойти на борт. Я не знала, что **это** такое большое». Она стояла, будто пустив корни в мостовую, прижав к себе Филли. По-видимому,

она сдавила его слишком крепко, и он застонал, стонал он, словно женщина. Мы все вздрогнули. «Это ухо,— успокоила нас Эмма.— У него ухо повреждено». Наконец, нам удалось втащить ее на борт и устроить на палубе, потому что в салоне на нее снова накатывал панический страх. Трехголосый рев пароходного гудка раскатился по нижнему Манхэттену. Эмма вскочила и побежала, бросив чемодан, который она ни за что не хотела оставить в каюте, но крепко держа Филли. Я едва догнал ее у трапа и отпустил ее руку только, когда корабль уже далеко отошел от пристани. Понадобилось немало времени, чтоб заставить Эмму войти в каюту, но в конце концов она вошла. Это была отдельная каюта на средней палубе и как будто ее устроила. По-моему, она была удивлена, что каюта похожа на обыкновенную комнату, что тут есть кровать, и кресло, и умывальник. Она поставила Филли на пол. «Наверно, вам надо что-нибудь устроить для собаки,— заметил я.— Может быть, здесь есть какое-нибудь помещение для собак, вы его отведете туда, а потом заберете».

— Нет, у них нет,— сказала Эмма.

Наверно, для таких случаев у них действительно ничего нет — не знаю. Я оставил Эмму Инч и Филли и пошел к себе. Когда я вошел в каюту, моя жена пила неразбавленный виски.

На следующее утро, раннее и холодное, мы высадили с «Присциллы» Эмму и Филли на берег Фолл-ривер, посадили в такси, довезли до Нью-Бредфорда, а там на маленьком судне поплыли к нам в Вайн-ярд. Каждый дюйм пути давался с таким трудом, как если бы кто-то надумал вывести из клуба пьяного в тот момент, когда ему померещилось, будто его там оскорбили. На судне, плывущем в Вайн-ярд, Эмма ухитрилась сесть в кресло там, где совсем не видно воды, зажмурилась и держалась за Филли. Она укрыла его пальто, чтоб он не простудился и чтобы проходившие мимо матросы не увидели его и не отобрали у нее. Время от времени я спускался к ним и смотрел, как они? Казалось, все было нормально, по крайней мере все было нормально до единственной остановки между Нью-Бредфордом и Вайн-ярдом. Вдруг Филли начало тошнить, или, может, Эмма решила, что его тошнит. Глаза ее наполнились слезами. «Он очень болезненный пес, мистер Тармен,— сказала она.— Я должна отнести его домой». По тону, каким она сказала «домой», я понял, что она имеет в виду. Она говорила о Семьдесят восьмой улице.

Судно пристало в Вудс-хоуле и беззвучно застыло, мы могли слышать, как по палубе сносили груз.

— Я выйду здесь,— твердо сказала Эмма, вернее, с такой твердостью, какую она никогда еще не выказывала. Я объяснил ей, что мы будем дома через полчаса, и тогда все будет прекрасно, все будет великолепно, я заверял ее, что Филли станет совершенно молодой собакой. Я говорил ей, что люди специально посылают в Вайн-ярд больных собак, чтоб они там поправились. Но ничего не помогло. «Я должна унести его отсюда,— сказала Эмма.— Я всегда приношу его домой, когда он болеет». Я красноречиво расписывал ей, как очарователен Вайн-ярд, какие там приятные дома, какие приятные люди, какие там замечательные условия для собаки. Но я знал, что все бесполезно. Я мог это почувствовать, глядя на нее. Она собиралась сойти с судна в Вудс-хоуле.

— Вы не можете этого сделать,— схватив за руку, мрачно твердил я ей. Филли слабо зарычал.— У вас нет денег, и вы не понимаете, где находитесь. Вы очень далеко от Нью-Йорка. Никто никогда не ездит из Вудс-хоула в Нью-Йорк в одиночку.— Она будто не слышала меня. Она шла к лестнице, ведущей к трапу, напевая что-то для Филли.— Вам придется весь обратный путь плыть на пароходе,— запугивал я ее,— или ехать поездом, а у вас нет денег.

— Я не хочу никаких денег, мистер Тармен, я не заработала никаких денег.

Я шел рядом с ней и в раздражении молчал, затем я ей дал немного денег, я заставил ее взять их. Мы подошли к трапу. Филли фыркал и ворчал. Тут я заметил, что у него действительно глаза красные и мутные. Я понимал, что не стоит призывать на помощь жену, ведь на карту поставлено здоровье Филли.

— Как вы собираетесь отсюда добираться домой? — почти кричал я на Эмму Инч, когда она спускалась по трапу.— Вы понимаете, что вы находитесь в конце Массачусетса?

Она остановилась и обернулась: «Мы пойдем пешком,— сказала она.— Мы любим ходить пешком, Филли и я».

Мне ничего не оставалось, только стоять и смотреть, как она уходит.

Когда я вернулся на палубу, корабль уже шел в Вайн-ярд.

— Ну как дела? — спросила жена.

Я махнул рукой по направлению к пристани. Там стояла Эмма Инч, чемодан у ее ног, собака под мышкой, свободной рукой она махала нам. Я никогда раньше не видел её улыбающейся, но сейчас она улыбалась.

Перевела Д. ПРОШУНИНА.

СЛОВА, СЛОВА...

Очень часто наша судьба зависит от людей, которые вообще не знают, что мы существуем.

Чувство, что все мы между собой братья, часто побуждает нас ссориться из-за наследства.

Иногда те, кто служит примером, больше ни на что и не годятся.

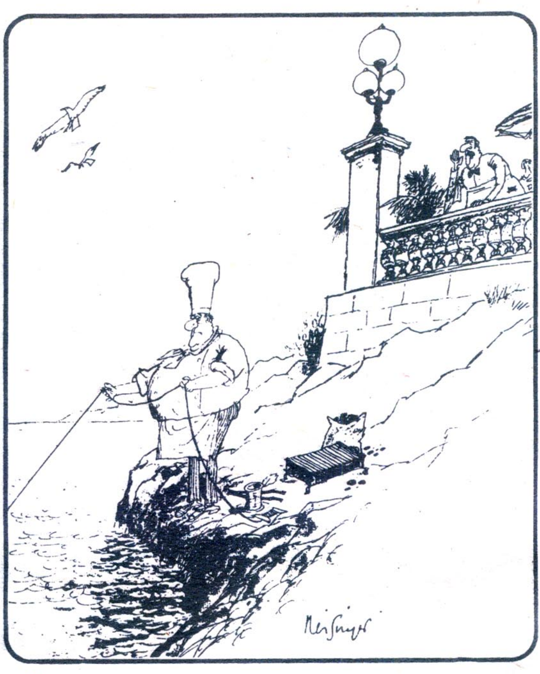
Константин КОСТОВ.

Новые грехи освобождают от старых угрызений.

Когда нам хуже некуда, есть блестящий выход — привыкнуть.

Стоян СТОЯНОВ.

Перевел с болгарского И. ИЛИНГИН.

— Одну макрель и двух кальмаров!

РЕЙЗИНГЕР, Югославия.

— Черт побери, Марша, пес сбежал с грабителем.

ФОРД, Англия.

— Одно из двух: либо цистерна протекает, либо они умеют читать.

ДЖЕФФИ, США.

Практикант строительно-ремонтной бригады получил задание покрасить окна в квартире директора конторы. Через час он звонит шефу и докладывает:

— Хозяин, окна покрашены. Нужно ли еще красить и рамы?

●

— Ну как твой сын? Вылечился от клептомании?

— Ему уже лучше. Теперь он приносит домой вещи, которые могут пригодиться в хозяйстве.

●

— Мы просто не можем себе представить, какое воздействие на нас оказывает печать!

— О, меня можете не убеждать! Я женился по объявлению в газете.

●

Эпитафия на сельском кладбище:

«Тут покоится Анатоль Б. Овдовев, он двадцать лет прожил у тещи и умер с твердой уверенностью, что впереди его ожидает лучшая жизнь».

●

Объявление в универсальном магазине в Чикаго:

«Жалобы принимаются на 23 этаже. Лифт не работает. Пожалуйста, пользуйтесь лестницей».

●

Поднимаясь в лифте на сто девятый этаж, пожилой господин спрашивает у лифтера:

— В вашей профессии, наверное, много трудностей. Скажите, самое неприятное — это подъемы?

— Нет, мсье.

— Неужели спуски?

— Нет, мсье.

— А что же тогда?

— Расспросы, мсье. Исключительно дурацкие расспросы.

●

Во время бегов одна лошадь спрашивает другую:

— Скажи мне честно, сколько в тебе лошадиных сил?

●

Том делает домашнее задание по физике. Подойдя к двери ванной, в которой моется его отец, он спрашивает:

— Папа! Что происходит с телом, погруженным в воду?

— Известное дело, стоит только телу погрузиться в воду, именно в этот момент его обязательно просят к телефону...

●

Редактор:

— Вы взяли интервью у лорда Дамбхеда?

Репортер:

— Да, но ему нечего было сообщить мне.

Редактор:

— Хм, а сколько места это займет?

«Стыршел», Болгария, «Рир», Франция, «Берлинер цайтунг», ГДР.

Роман КАРЦЕВ, Виктор ИЛЬЧЕНКО

2 × 2 + 2

Сегодня в нашей рубрике «Ба! Знакомые всё лица!..» целых два лица. Поэтому Крокодил решил провести мини-конкурс-экспресс: заказать сразу двум художникам портрет популярного эстрадного дуэта.

Заказ был выполнен. Кому же присудить пальму первенства? Крокодил ловко вышел из затруднительного положения, предоставив читателям решать самим.

Итак, выбирайте. Слева — работа И. ЛОСОСИНОВА, справа — В. МОЧАЛОВА.

При таком раскладе несправедливо было бы поручать стихотворную подпись одному поэту. Эпиграмму сотворил поэтический дуэт в составе А.СИВИЦКОГО и Ю.ТИМЯНСКОГО.

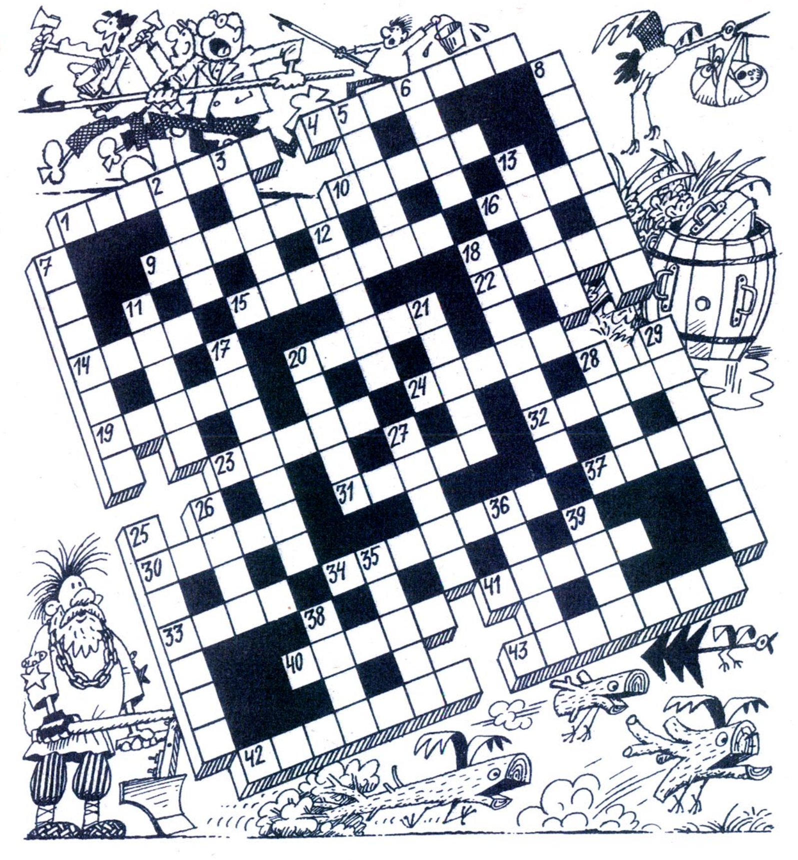
Они известны всем наверняка,
Авторитет их на эстраде прочен.
Пусть оба не народные пока,
Но — о-о-очень!..

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД «СЕЛЬСКИЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Подрядница. 4. Пахарь-металлист (полеводческ.). 9. Меха для бабушкиного самовара. 10. Лошадиная снасть. 14. Телячьи нежности (скотоводческ.). 15. Встречный хлеб. 16. Макси-огород. 19. Луговая зеленка. 20. Нецентральное отопление. 22. Тара, где сельхозпродукция теряет хозяина. 23. Летучая часть леса. 24. Стойло на табун лошадей. 30. Зверская дорожка (лесн.). 31. Кормовой винегрет. 32. Вожжевое сцепление. 33. Бочка с ручками. 34. Информация, делающая погоду крестьянину. 37. Прибавка в кошаре. 40. Дармовая поливка. 41. Крыша в полевых условиях. 42. Огородное диетпитание. 43. Холодный моцион для семян.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Вышибала урожая. 3. На дворе, на траве. 5. Не уловимая без труда. 6. Пастуший щелкунчик. 7. Растительный эквивалент аиста. 8. Дедушкин адрес (лит.). 11. Топорно-багорная страда. 12. Арбузная залежь. 13. Дикорастущее средство воспитания. 17. Должность, на которой опростоволосился дед Щукарь. 18. Шефский выездной транспорт. 20. Занятие, провоцирующее зуд в плече. 21. Плата за урожай, который еще в поле. 25. Гороховая упаковка. 26. Мини-молочное сельхозсозданье. 27. Земной напиток. 28. Первый крик цыпленка. 29. Сладость, замешенная на садовой продукции. 35. Овощ, склонный к пучкованью. 36. Паства, готовая к постригу. 38. Коллективный природоохранник (сокр.). 39. Нейтралка (полеводческ.).

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

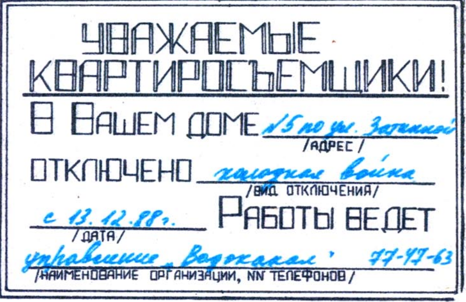

Ответы на КВК, опубликованный в № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Миндаль. 8. Супинатор. 9. Гильотина. 12. Канкан. 13. Отелло. 14. Эдита. 15. Парик. 18. Мария. 20. Базар. 22. Пава. 23. Арфа. 24. Терем. 26. Кулон. 27. Финал. 28. Редис. 29. Юнона. 31. Ева.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Андромеда. 2. Маргарита. 4. Судак. 5. Кимоно. 6. Стрела. 7. Снеток. 10. Забор. 11. Отвар. 16. Кабаре. 17. Казак. 18. Марабу. 19. Катерина. 21. Афродита. 25. Мулине. 26. Корона. 30. Овал.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

УВАЖАЕМЫЕ КВАРТИРОСЪЕМЩИКИ!
В ВАШЕМ ДОМЕ №5 по ул. ______
/АДРЕС/
ОТКЛЮЧЕНО холодная война
/ВИД ОТКЛЮЧЕНИЯ/
с 13.12.88 г. РАБОТЫ ВЕДЕТ
/ДАТА/
управление „Водоканал" 77-47-63
/НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, NN ТЕЛЕФОНОВ/

Прислал Н. Воткин, г. Рязань.

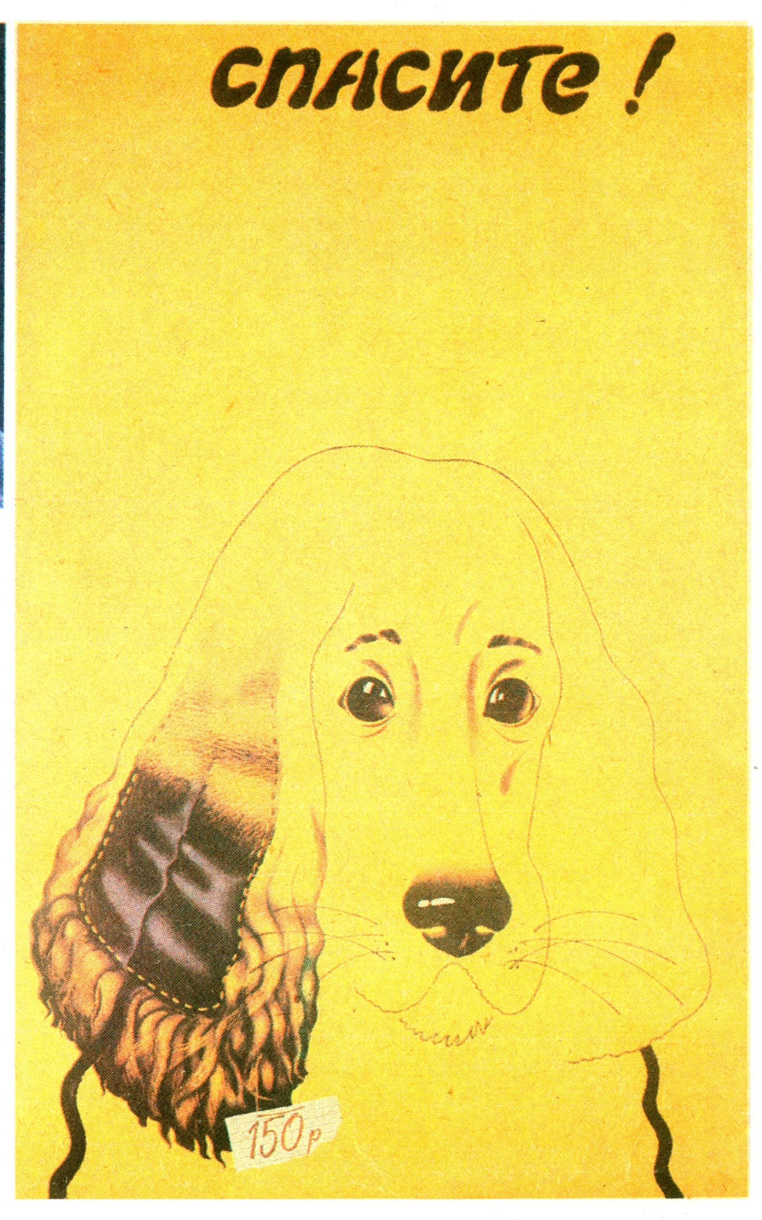
Прислал М. Закиров, г. Ижевск.

ВНИМАНИЕ!
Участники семинара по обогащению.
ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОСТОИТСЯ 27 ОКТЯБРЯ, в 9°°
В МАЛОМ ЗАЛЕ ДКиТ „Горняк"
Оргкомитет

Прислал Б. Кокурин, г. Ташкент.

Художник
А. БУКШИН,
г. Бийск.

Художники
С. СУХАРЕВ,
А. РЕЗАЕВ,
М. РОЖДЕСТВИН.

Художник
И. ЧЕРНЫЙ.

См. стр. 8.

(«НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ПЛАКАТА»)

30 коп. Индекс 70448